

Теннадий Дорохин

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ СО ЗВЕЗДАМИ

Роман расставаний

Памяти Наталии Сладковой

Глава девятая: МАЛИКА

Земля на самом деле почти круглая, и если бы не легкая приплюснутость с полюсов, могла бы быть идеальным шаром. Космонавты, любуясь планетой, поражались обилию красок на ее поверхности, и еще повергало в изумление то, что шар этот совсем небольшой. При желании его легко можно уничтожить всего одной казеиновой бомбой. А с далеких звезд Землю или навовсе не видно, или она выглядит, как неяркая голубоватая звездочка. Борис Иванович так интересно рассказывал, Даша так внимательно слушала, что нахмурившийся Табов поспешил вставить:

– Так ты, Борис, электрик или космонавт?

– Разве одно другому мешает? – вопросом на вопрос ответил куэнзим, коварно принявший облик молодого симпатичного человека (мы уже знаем, кто скрывается в облике компанейского, словоохотливого, чуть простоватого, но обаятельного электрика, а Даша с Табовым даже и не подозревают, кто сидит за рулем).

Мужчина так устроен, что готов флиртовать с любой женщиной, тем более, если она в компании единственная. Женщина, оказавшаяся в центре внимания, готова флиртовать со всеми.

Так и Даша, расточала одинаково щедрые улыбки и Борису – они быстро перешли на «ты», и Табову – все-таки он закадычный друг Саши.

– Так, ты не ответил, – не отставал от красавчика Табов, – кто ты таков? Откуда у тебя такая машина?

– Я – обыкновенный человек (врет, врет, мерзкий куэнзим), электрик-кооператор (врет, врет, собака!), на машину накопил (брешет, одноглазый галактический шпион), каждую копейку откладывал в банк... Сейчас коплю на японский телевизор...

Он говорил спокойно, с полуулыбкой на тонких красивых губах, пожеже, издевался.

Продолжение. Начало в №6, 2016.

«Может, по мордасам ему надавать?», – размышлял Табов, но пока решил воздержаться – только из-за Даши, чтобы ей было спокойно. Ведь сколько лет она мается одна в большущем своем доме. Сколько слез пролила в подушку. Не хватает ей только драк...

Но про себя Табов решил: «Дождусь удобной минуты и вразумлю этого красавчика». И они поехали дальше.

А двигались они совсем не туда, а куда вообще они держали путь? Об этом они предпочитали молчать. Да, они все забыли, паутина забвения обволокла их, как елеем. «Едем по делу – что тут говорить? А встретится кто, так мы его примем радушно, откупорим по случаю бутылочку, заначенную в багажнике, сальца белорусского отрежем, не скупясь. А надо сказать, что сало это, с полоскою мяса, тающее во рту, – с чесночком, перчиком, – самый мировой на свете закусон. Стоит только произнести заветное слово «сало», как фантазия дополняет его «борщом» и «краюхой ситного». Что в мире вкуснее этого? Только килька в томатном соусе? Только казахский куырдак и казахские же баурсаки? Уха из ершей?..

В первый день путешественники доехали до незнакомого города под названием Дарьинск-Криничный. Автомобиль мягко выкатился на главную улицу и остановился у большого деревянного щита, на котором некогда был начертан какой-то важный государственный призыв, но то ли он утратил свою актуальность, то ли с властью произошла эта неприятность, но слова призывов были почти не различимы – тут уж постарались дожди, знойные ветры, прилетающие из степи, да и никто не обновлял лозунг, не добавлял ему новой краски, как свежей крови. Читалось только три, от силы четыре, слова: «Окрыленные...», «Отчизна...», «Стяг...» и кажется «Наступление»... И почему-то все оставшиеся в живых слова написаны с заглавных букв. На слова эти никто давно внимания не обращал, и никто поэтому не обратил внимания, что поверх старой надписи сделана мелом от руки новая: «Сборщик податей. Направо в переулке, Центральная контора на Баскачкинском мосту, спросить Зайнуша».

– Если это не шутка, не дурацкое какое-то совпадение, то это очень странное послание, – сказал негромко Даше Табов. – Очень странное... Ты мне говорила о том, что в клинописной табличке из зиккурата, Саша упоминал какого-то Зайнуша, и вот нам попадаетеся на глаза эта вывеска... Можно сказать «случайность», «простое совпадение имен», а мы скажем по-другому – «перст судьбы»!.. Знайте, что «случайность» заслужить надо... Во-первых, откуда взялся сборщик податей? Разве в нынешнем веке не милее сердцу – «фининспектор»? Или какой-нибудь «судебный исполнитель»? Кто-то ненавязчиво, но недвусмысленно подчеркивает свою нездешность. Во-вторых, он подсказывает, как его можно найти...

Все случайности должны быть на нашей стороне, ведь мы доверяемся именно им. Все внезапное должно помогать именно нам. Все чудеса должны быть за нас, мы и сами сотворим их немало. Вот первое.

В это время мимо машины, заглянув в зеркальце заднего вида (как сдержаться, девушки не из гранита), прошла девушка, поздоровалась, как принято было всегда – здороваться со всеми, только нынче это подзабылось. То, что этот обычай забыт, Табова огорчало.

Даша в это время старалась не слушать комплементы Бориса Ивановича, но они сами проникали в уши.

– Милая девушка, – обратился Табов к прохожей, – знаком ли вам этот чело-

век – Зайнуш – из этого переулка. Мы специально – очень издалека – приехали на этой машине, чтобы поговорить с ним...

– У меня есть дедушка Гумар, – сказала девушка, – А бабушку зовут – Фатима...

Борис Иванович потерял терпение:

– Для чего нам твоя бабушка нужна? Мы про Зайнуша спрашиваем! Знаешь такого?

Девушка тяжело вздохнула, и начала все сначала:

– У моих бабушки и дедушки есть...

Борис Иванович опять перебил ее:

– Ты что, издеваешься?.. Не знаешь, так и скажи – «не знаю», нечего нам байки рассказывать.

– Не хотите – как хотите, – пожала плечами внучка Гумара и Фатимы, и двинулась по своим делам, наверное, в парфюмерную лавку.

Табов остановил ее:

– погоди, милая!.. Расскажи, что все-таки приключилось с твоими дедушкой и бабушкой.

– Ничего не случилось. Просто у них есть дедушка Гумар и бабушка – Малика...

– Выходит, это твои пра-прабабушка и пра-прадедушка? – изумилась Даша.

– Разве такое бывает?..

Девушка повернулась к ней и сказала с гордостью:

– А у дедушки Гумара есть свой дедушка – Зайнуш Гумарович... Это про него написано – мелом на щите. Он раньше здесь, в Дарьинске жил...Теперь уехал... Он всю жизнь скитается, но на Баскачкином мосту можно узнать, где он сейчас находится. Вам повезло, что в Дарьинске вы первой встретили меня....

Она смотрела победительницей; путешественники на минуту потеряли дар речи.

– А теперь подробнее, – первым пришел в себя Табов. – не пропуская ни одной детали. Чует мое сердце – нам приготовлено приключение...

– Да, мне они тоже повсюду мерещатся, приключения, – сказал Борис Иванович и улыбнулся, да так гаденько, что сам понял, что переборщил, принялся прикладывать руку к груди, к тому месту, где у людей бывает сердце, дескать, простите великодушно, больше так не буду. Но никакого сердца у него не было и в помине, а был мощный атомный моторчик, да космы проводов, – вот и все, что было обычно у куэнзимов внутри. Но Борис Иванович был из новой генерации этих чудовищ, из нового поколения бесстрашных космических разведчиков, в него были встроены и некоторые человеческие свойства (для успешной борьбы с человечеством же). Да видать ученые с Куэнзима Пятого, а также и с Куэнзима Семнадцатого что-то перемудрили – и Борис Иванович влюбился в Дашу, а ведь древнее пророчество прямо говорило, что гибель куэнзимов – в любви. И даже имена в пророчествах названы – тех, чья любовь может оказаться наиболее губительной для Темных Миров – Александр и Дарья.

С младых ногтей в куэнзимах воспитывалась ненависть к любви, а также страх перед ней, и непреодолимое отвращение. Старики всегда предупреждали молодежь: не только любви нужно опасаться, нельзя допустить даже простого сочувствия, малейшего сожаления и жалости, ведь в любую минуту ты ожидаешь приказа, (ожидание приказа и немедленное его исполнение – в этом задача

куэнзима, его предназначение и суть) – и тебе, возможно, будет доверено сначала осуществить вывод человеческой массы из жилищ, а потом и ее приведение в Норму. Нужна для этого стальная душа, как пила-болгарка.

Но вот случилось, может, замкнули провода, или дал сбой атомный моторчик – бывает и такое – и Борис Иванович влюбился. Против этой заразы были выставлены заградительные отряды в самых дальних галактиках, а она тут как тут, пробралась окольными путями.

Борис Иванович опасался, что враг человеческий во время вчерашнего собеседования легко раскрыл эту тайну, и теперь можно ожидать чего угодно. Вплоть до назначения на неплановый Вывод. Это большая честь для каждого куэнзима – самопожертвованием утверждать полную гармонию. И, конечно, придется погибнуть с радостной улыбкой на устах, но как же Даша?.. Так все усложнилось...

А тут еще появилась юная Малика (так звали эту очаровательную девушку) и принялась рассказывать о своих стариках, должно быть, немало привирая.

Да, нужно признать, коварный куэнзим не усмотрел в Малике главной опасности для себя и своего главного дела. Нельзя ему было допускать этой встречи на улице Дарьинска, сам ведь вел машину, но он не сводил с Даши влюбленных глаз, и это было преступно. Если узнает Последний Титан, не одобровать куэнзиму.

Борис Иванович вышел из машины, хлопнул дверкой, как бы показывая, что ему неинтересна эта история про местного агасфера, скорее всего – вымышленная, и он отправился туда, куда настоящие куэнзимы дороги не знают – к цветочному киоску. Даша проследила глазами этот путь, и в груди ее еще сильнее разгорелась какая-то неясная надежда. Очень неясная. Но тревожная и томительная; и чуточку сладкая.

Табов между тем времени не терял, расспрашивал Малику о ее небывалой семье. Даша тоже слушала с широко открытыми глазами.

«Вы первые, кто заинтересовался этой историей, – сказала Малика. – Когда дедушка Зайнуш прежде пытался говорить хоть кому-то, что ему почти девятьсот лет, то никто не верил, даже ни разу не выслушали до конца. Даже в сумасшедшем доме, в котором его продержали пять лет – кололи страшно болезненные (чтобы в ум вошел) уколы, горстями давали разноцветные таблетки, – так и не поняли ничего, но, в конце – концов, отпустили, только пригрозили, что если он будет упорствовать, уверяя, что ему девятьсот лет, то его ждет пожизненно комната без окон, и выключателем тусклого электричества снаружи. Он не стал спорить, и ему дали паспорт, и поставили на учет, где положено, скороговоркой перечислили, что ему можно, а чего нельзя – и забыли о нем.

А он помнил, что пятьсот лет назад, и семьсот лет назад, ему охотно верили, и даже пытались спалить на костре в славном городе Толедо, куда занесли его ненадолго – лет на сорок всего – ветры дальних странствий; живьем, конечно. Он тогда еле ноги унес на испанском галеоне.

– Малика, ты можешь показать нам дорогу здесь, в Дарьинске? – попросил Табов. – Захотелось познакомиться с бабушкой Фатимой и дедушкой Гумаром...

– Конечно! – ответила Малика и забралась в машину, как будто всю жизнь ездила в лимузинах.

– Поехали!..

Глава десятая: ГРУНЬКИНО ПРОКЛЯТИЕ СБЫВАЕТСЯ

Странную способность – не стареть – Зайнуш обрел еще в юности, когда прокляла его брюхатая казачка.

Он тогда, расставшись с нею, много дней хоронился в степи, стараясь далеко не отходить от реки. На Итиль идти не решился – опасно, дорога неизвестна, хлеб давно кончился...

Как-то он прибил к одной большой ватаге, похожей на остатки какого-то войска, наврал с три короба, ему, конечно, не поверили, но кто в степи говорит правду первому встречному, может, только благочестивые суфии, прозрачные, как утро? Не поверили, но в ватаге оставили, не убили – пусть идет рядом, зарезать всегда успеется. Может, ему посчастливится найти дорогу на их далекую родину на скалистых берегах теплого моря?

Ватага была странная. Целое войско, без малого десять тысяч. Но с каждым днем воинов становилось все меньше. Их косили хвори, многие отставали от основной массы, рассчитывая самим добраться до дома, кое-кто погибал от нападения диких зверей. Львы не отходили далеко от идущих, вслед за ними тянулись, как перелетные птицы, мерзкие шакалы, у болот караулили добычу зловонные ящеры; смельчаки, завидев ящеров, бросались на них с пиками наперевес (считалось, что мясо ящера придает божественную силу), но победить десятиметровое чудище удавалось не каждому, – и оставались белеть косточки воинов и у болот, и в желтой степи, и в темной чаще...

– Боги наказывают нас вечными скитаниями, – время от времени восклицал то ли предводитель, то ли атаман отряда. Никто ему не перечил, как никто не выказывал бурной радости по поводу его откровений.

– Не убивайся, Ксенофонт, что мы проиграли войну, нашей вины нет. Мы сделали все, что смогли, – успокаивали его, но он был безутешен. Он говорил: «Ни мне, ни Сократу не была ведома истинная сила времени. Двести лет мы ищем выход из этой пустыни, и не находим. И боюсь, не найдем... Двести лет миновало, а у меня только трехдневная щетина... Так сильно притяжение Азии, что она не хочет отпустить нас... Это не чудо, это неведомый пока закон природы... Кто-то здесь управляет временем, даже может его остановить. А это не под силу даже Хроносу, он может подарить личное бессмертие, но не всей вселенной. А нужно ли оно – бессмертие без времени – вот вопрос? Мне было знамение. Я увидел смеющуюся Геру. Она смотрела на меня, и заливалась. Потом уперла руки в бока...

– Совсем, как моя Феодора! – сказал кто-то. – Только поварешки не хватает...

– Которой она тебя встречает по вечерам... Эти шрамы на лице она тоже тебе поставила? Скажи?

Засмеялись даже те, кто не слышал веселой перебранки воинов.

Почти все в ватаге были облачены в хитоны, бесполезные в этих местах, но поверх хитонов на них были халаты, на головах красовались массивные шлемы, которые они называли коринфскими, и не за что не хотели с ними расставаться, хотя некоторые воины (коли вооружены, значит – воины) несли их за плечами, а на головах предпочитали иметь мягкие малахаи. Вооружение было тоже непривычное для этих мест – круглые щиты, и прямые мечи – ксифосы. У некоторых были тисовые луки...

О себе они рассказывать не любили, мужчины были неразговорчивые, суровые, закаленные в многочисленных сражениях. Но Зайнушу удалось узнать, что воины эти уже много-много лет идут по пустыне, отчаявшись найти дорогу домой, а служили они персидской державе, тамошнему принцу. Киром прозывался он.

Сначала они двигались в сторону заката, предвкушая скорую встречу с родными, но ни одного города не попало им по пути, ни одного селения. Ксенофонт первый заметил, что с временем и пространством что-то произошло. «Это пустая земля, – говорил он, – но откуда она взялась? В молодости мне довелось повидать мир – и за Геркулесовыми столбами жизнь не кончается – и ни разу я даже не слышал, чтобы на свете существовала такая пустыня, чтобы за десять лет пути в ней не попало бы ни одной самой заваливающей деревни. А мы идем уже... Словно время остановилось.»

Потом отряд двинулся на рассвет и дошел до моря, вода которого была вкуснее родниковой. Но ни одного человеческого жилища не встретилось на пути.

«Земля обезлюдела, нас прокляла сама Геката, могущественная богиня мрака, ночных видений и чародейств...», – шептались в отряде, но все равно шли. Временами, как будто вспоминая что-то, может, былую славу греков, Ксенофонт отдавал приказ – двигаться ускоренным шагом, и сам трусил впереди разношерстной колонны.

Лет двадцать они двигались в сторону далеких гор, мнилось, что у их подножья стоит прекрасный город; там, в тени пирамидальных тополей, журчат арыки с чистой и прохладной водой, там даже в будни шумят базары, там девушки не прячут улыбок, там настоящий рай для усталых путников.

Но сколько они не шли, горы не становились ближе, даже как будто отодвигались. Отряду бы остановиться, поставить глинобитные дома, спасающие зимой от ледяного ветра, живущего в этих местах, летом дарящие прохладу, завести овец, диких животных с горбами, а, может, здесь приживутся и слоны; слон хорош, как боевая единица, и при строительстве крепостей незаменим, правда, его трудно прокормить. Но греки шли.

Можно было разослать во все стороны быстроногих лазутчиков, они скорее целого отряда разведают, где в окрестностях есть селения с женщинами, чтобы потом оставшихся в живых мужчин продать в рабство, а на женщинах – жениться; выписать из Спарты мудрых и крепких духом наставников, чтобы дети росли воинами, – и осесть на этой безлюдной земле, вдохнуть в нее жизнь, полюбить ее и прославить. Но греки шли.

А остановись они, брось в землю ячменное семя, и вдруг эта истосковавшаяся по земледельцу степь родила бы столько зерна, что разбогатели даже торговцы пифосов, и, может быть, именно тогда спало бы с войска непонятное чародейство, остановившее время?

Но греки шли...

Сколько лет глотал Зайнуш пыль в армейской колонне – ни сам он сказать не мог, да и Ксенофонт уже привык к тому, что его люди смертельно устали, но они не стареют. Зайнуш вытянулся, возмужал, обзавелся греческим мечом, на вид ему было лет двадцать пять – не более, но сам он считал, что лет тридцать назад он распрощался Гранькой, где она теперь, что с ней стало? Время в пути тянется долго – день за днем, день за днем – пыль, тоска, одни и те же лица во-

круг. А в строю и того тяжелее: по левую руку идет хромоногий Афарей, и он всегда будет здесь, пока не помрет. С правой руки топает весельчак Гелос, его несмешные анекдоты предстоит слушать, кажется, вечно. Но находятся люди, которые искренне смеются над байками Гелоса – про тещу, про сборщика податей, про любовника жены. Чем гоготать вокруг Гелоса, лучше бы дорогу искали... Если дороги в наше сумрачное время хоть куда-нибудь ведут.

А впрочем, Зайнушу почему-то нравятся истории про сборщика податей – не те, где сборщик тупой, жадный, коварный, а те, где он хитроумен, смел и благороден. И часто при деньгах...

«Выйдем к людям, стану баскаком», – пообещал Зайнуш сам себе, не очень надеясь, что это может сбыться. И, конечно же, он не мог знать, что угадал свою судьбу.

Ксенофонт присматривался к юноше, да уже не юноше, а зрелому воину, пока еще не отличившемуся в сечах, но готовящемуся к этому. И оружие у него всегда наготове, и сам натянут, как тетива лука. Честолюбец. Себе на уме. Умеет держать язык за зубами.

Как-то Ксенофонт позвал его.

– Смотрю на тебя, – сказал грек, – и вижу свою юность, безрассудную, спартанскую... Ты так же смел, горяч, как и я тогда. Ты мне нравишься... Поэтому послушай моего совета – уходи отсюда. Один, или выбери себе товарища. Здесь ты будешь вечно плутать по степи... и тебя сожрут львы или мерзкие ящеры...

Грек задумался, Зайнуш стоял рядом, тоже молчал. Что-то огромное и непонятное окружало их, и они не знали, как называть все это, и что делать с этим – заключать в мудрые книги, обретать веру и молиться, чтобы Зевс не гневался на людей, или все-таки постараться понять мир и наречь все своим языком?

Где-то за краем земли заворчала гроза, и ученый грек встрепенулся, откликнувшись на собственные мысли:

– Наше время запечатано, как старое вино в амфоре, и, может быть, оно еще дождет, когда им наполнят кратеры, смешают с ледяной водой, и эта влага станет противоядием отравы, называемой «познание»... Остановившееся время словно подсказывает, где место человека. Не познавать, а верить его удел, а иначе заблудится не только отряд наемников-греков, весь мир заблудится.

Он еще помолчал, потом продолжил, вглядываясь в приближающуюся грозу:

– Я знаю, ты с три короба наврал про свою жизнь, здесь все врут, но в тебе, почему-то думается мне, частичка света иных времен... Ступай по своей дороге...

Гроза, наконец, добралась до скитальцев, молния запалила одинокое дерево, едва ли не единственное на всю степь, но тут же грянувший проливной дождь погасил дерево, и кое кто из солдат бросились под защиту его обуглившейся кроны. Зайнуш же забрался под одну из повозок, на которых везли греки свой нехитрый скарб.

Гроза гремела нешуточная. Должно быть, Громовержец здорово прогневался, может быть, за лишние разговоры и ненужные мысли?

Степь раскисла, одежда, оставшихся в строю солдат, вымокла насквозь, но небо постепенно светлело, солнечный луч проколол тучу – один луч, второй, пятый – и вот уже вместе с дождем проливаются на землю и солнечные струи.

Короткий дождь закончился, но Зайнуш оставался под повозкой, он на минуту прикрыл глаза, и мгновенно уснул, как провалился в темноту. То ли место было

такое – сонное, то ли он так сильно устал, но только он не слышал, как уходил греческий отряд, громыхая оружием, как мерно бил барабан, как некоторые воины, с которыми Зайнуш сдружился, кричали ему: «Прощай, встретимся у Харона!» или «Пока, не проспай голову!..»

Мерно топя, греки ушли, растворились в степи, оставив спящего Зайнуша под брошенной войском тележкой.

А проснулся он от лошадиного ржания. Каурый, под цвет степи, конек выказывал свое нетерпенье: пора, пора, после дождя мир полон пахучей травы, солнце давно разогнало все тучи. Дорога сама ложится под ноги, так чего медлить?

Зайнуш поднялся, огляделся. Совсем неподалеку голубела река, а за ней виднелась полоса леса, который, должно быть, поднялся под щедрым дождем за то время пока Зайнуш спал.

Почти все в мире происходит, пока мы спим. Может, для того, чтобы мы не испугались?

Зайнуш подозвал коня, легко взлетел на круп. Седла не было, грекам седло было еще неизвестно, но Зайнуш словно прилип к каурому, похлопал его логонько по шее, и шепнул:

– Ну, давай, брат, теперь на Итиль! Не выдай!..

Каурый тронулся, и тут же поглотила его вместе с седоком, голубая вспышка.

Свет. Темнота. И опять свет... Любой космонавт понял бы, что сработал временной переход – что-то спровоцировало остановленное время – то ли перегрузки дали о себе знать, то ли где-то случилось короткое замыкание – и время рванулось с места, но снова остановилось, обреченное. Но космонавтов вокруг Зайнуша не было.

Глава одиннадцатая: СЛУЧАЙНЫЙ МИР

Перед ними был город. И все они были в городе, и город был повсюду. Куда ни глянь, везде громоздились небоскребы, закрывающие белый свет. Саша было принялся считать этажи у ближайшего здания, но где-то на второй сотне сбился, не дойдя до середины.

– Что это? – спросила испуганная Зара и закрыла рукой глаза, так страшно было вокруг.

– Это, наверное, мы в будущее попали, – сказал бодрым голосом Саша, но на душе у него кошки скребли, да еще какие большие кошки.

– За грехи наши наказывает Господь! – только и сумел выговорить Тимофей, так потрясло его увиденное. Он бы тоже не смотрел на это чудовищное скопление громадных строений, тоже бы прикрыл рукой глаза, но у него руки были заняты. Он просто изнемогал от поклажи, которую они поделили с Сашей, и Тимофеем, кроме ятагана и копья досталась еще и огромная «Книга пророчеств...».

Саша наоборот всматривался в город, и все больше мрачнел. Наконец, сказал:

– А людей-то на улицах нет. И машин нет, и светофор на перекрестке не работает... Сдается мне, что мы из одной пустыни прямехенько попали в другую. Город мертв. И если в нем теплится еще где-то жизнь, то нам сказочно повезет, если мы наткнемся на нее.

Зара попросила Тимофея открыть книгу, которую он носил, как рюкзак за спиной, приспособив для этого какие-то ремни. Она недолго вчитывалась в «путеводитель» и сказала:

– Тут говорится, что «в городе ненужном надо найти человека». А какого человека – об этом ни слова. Что он здесь всего один?..

– Может быть, и один, – откликнулся Саша, – не каждый отважится остаться здесь в одиночестве коротать свой век, тем более, что время остановилось, и день вполне может сойти за год.

– Здесь страшный суд уже состоялся, и притом давно, – сказал Тимофей, разглядывая нагромождение стекла, бетона.

– Мне кажется, он во всей вселенной уже состоялся, – сказал Саша, – Думаю, что нас занесло на город-планету, я слышал об этих городах...

И он продолжил:

– Когда прошлое встречается с будущим, а день с ночью, химия с алхимией, когда не поймешь, какое время на дворе, люди, случается, теряют ориентиры... Тем более, что все речки загнаны в подземные русла, моря разлиты по цистернам и дети пугаются до слез, увидев в зоопарке живую зеленую траву. Вся планета, даже кратеры вулканов, даже высочайшие горные вершины, на которых нужно дышать кислородом, застроены небоскребами, причем, многие из них – перевертыши – это когда здание возводится в обратную сторону – под землю. Как не украшай подземное жилище, как ни втискивай в него печи и кондиционеры, все равно подземелье себя покажет – или тараканами величиной с селедку, или плесенью, пожирающей все металлы, особенно золото, алюминий (чуть отворачешься, а кастрюль, как не было), или заведется другая подземная нечисть. Доброе, как об нем не хлопчешь, в руки дается редко, даже если ухватил его, сердешное, за космы и тащишь на правез, так оно и там выкрутится, утечет между пальцев. А злое, нехорошее прорастает, как крапива всюду, ее не требуется поливать, ухаживать, рыхлить почву. Ну почему так уязвимо доброе и несокрушимо злое? Зло закаляется злом? Или добро вообще сверхплановый продукт, оно необязательно, как закуска для пьяниц (было бы что пить!), и в новой жизни его нужно все меньше?

– На городах-планетах ожидать что-то доброе – значит терять время, – продолжил Саша.

– Куда люди-то подевались? – спросил Тимофей.

– Уехали, ответил Саша. – Должно быть, до того ужасна была здесь жизнь – неуютна, тосклива, холодна, что переезд стал необходимым, как воздух... До того цепко держали город в своих руках бандитские синдикаты и картели. До того было страшно выходить на улицу, а главное – этот грандиозный город заражен острой космической меланхолией, заразой, не поддающейся лечению, – и ничего не оставалось делать, как бежать из города... Это главная причина того, почему люди бросают свои планеты, а, может быть, они все рванули от галактической скуки и трех тысяч телевизионных каналов, из которых семьсот пятьдесят порнографические, а остальные показывают, какие глупые полицейские, и какие умные бандиты...

– Когда я был на стальной планете, – разоткровенничался Саша, – мне говорили, что население некоторых планет вообще отказались от оседлости, продали или бросили свои планеты, фрахтуют на век – два планеты, а потом снова снима-

ются с места и отправляются, куда глаза глядят... А загаженные небоскребами планеты тихо приходят в упадок, разрушаются, дичают, на них заводятся невероятные чудовища и необъяснимые явления. Например, на Таганасе, спутнике красного карлика – Пантакрина – были обнаружены говорящие арбузы, да крупные, собаки. Если случается в тех краях человек, то арбузы обязательно вступают с ним в полемику – по любому поводу. Они такие начитанные, что во всех дискуссиях и спорах им всегда присуждают победу, потому, что никто с ними связываться не хочет. А в остальном арбузы, как арбузы, только не очень сладкие.

Путешественники двигались посередине улицы, время от времени задирая головы на особенно громадные дома. А не громадных не было. Зара никогда не видела даже двухэтажного дома, Тимофею приходилось карабкаться по штурмовым лестницам на десятиметровые стены, но эти стены тут просто бы потерялись, в строительном хаосе.

– Нужно уйти под крыши, – посоветовал Саша своей команде, – сверху могут падать обломки разрушающихся домов. И словно в подтверждение его слов едва ли не у самых ног Зары разлетелся вдребезги упавший откуда-то сверху осколок тяжелого зеркального стекла.

– Все под крышу! – закричал Саша и они оказались в необъятном помещении, в центре которого голубел керамическими плитками бассейн, в котором не было ни капли воды.

А Зара сказала негромко:

– А если кто-то специально бросил в меня стеклом?

Саша ошарашено уставился на нее.

– В книге ведь сказано «найти человека», – продолжила она, – значит, он тут есть...

– Если он захочет убить нас, то сделает это легко – он знает город. А мы нет, – сказал Саша.

– Это мы еще посмотрим, кто кого! – Тимофей потащил из ножен свой устрашающий меч.

– А если он тут не один? – добавила сомнений Зара..

– Не похоже, что их несколько, – принялся Саша размышлять вслух, – ведь не заметно следов разорвавшихся снарядов, на улице нет сожженных танков, горящих домов. Человек со вторым человеком – всегда враги; они сначала палят, а потом начинают переговоры...

– Никого не бойтесь, я – с вами! – сказал Тимофей.

На ночлег устроились в здании одной из гостиниц, неплохо сохранившейся. Зара даже нашла запакованные комплекты простыней. С провизией тоже оказалось дело обстоит неплохо – нашли магазин, набитый консервами. Смущали только этикетки на неведомом даже для Зары языке, а на этикетках этих были такие картинки, что аппетит не пробудился даже у Тимофея, который непрестанно оглядывался, осматривался, одним словом был начеку.

Зара с опаской взяла в руки одну банку, на этикетке извивались синие щупальцы, тарацились сто глаз.

– Не думаю, что это яд, находившийся в свободной продаже, как тушенка, – сказал Саша, – но все же безопасности ради я готов первым попробовать это чудо-кушанье...

– Я первая стану есть этих чудовищ, – вызвалась Зара. Тимофей улыбнулся: она была готова отдать за Сашу свою жизнь.

Саша открыл одну банку, понюхал.

– Пахнет креветками, – сказал он. – А на вид – свинина...

Он достал из банки кусочек нечто, действительно напоминающего свинину, откусил и принялся не торопясь пережевывать. Тимофей и Зара с тревогой смотрели на него.

Саша потянулся за следующим кусочком, сказал:

– Вполне съедобно... Даже вкусно...

Его спутники тоже потянулись за банками. Когда насытились, Зара заметила:

– Если здесь кто-то живет, то почему он не берет еду там же, где взяли мы? В магазине кругом толстенный слой пыли, и на ней нет никаких следов, кроме наших.

– Судя по всему, еды оставлено в городе немало, и хозяин планеты может брать продукты где угодно, – задумчиво сказал Саша, – но вопрос есть: почему он никогда не заходил именно в этот магазин? Уж не заминирован ли он? Больше не пойдем туда...

Ночью мужчины спали по очереди, причем Тимофей вызвался бодрствовать в самые глухие часы – с двух часов ночи до четырех утра, хотя кто знает, какие тут часы глухие?

В четыре утра Тимофей завалился спать с легкой душой человека, понимающего, что он делает и что ему надо делать – охранять спутников. Признаться, в последнее время он не понимал многого: что это за пузырь такой, который швырнул их на мостовую этого умирающего города, и нельзя ли на нем сразу в Бузулук? Для чего нужно слушаться того, что написано в пудовой книге, может, нужно идти своим путем, полагаясь на свое разумение? Сомнения его терзали, но сон был крепким. Через минуту, после того, как он лег, Тимофей захрапел. Саша сидел за столом, листал «Путеводитель...», непонятную книгу, которая, казалось, знала все... Но откуда она взялась, кто написал ее? Можно предположить, что такие же путевые книги написаны для каждого, кто хоть раз бывал дальше Дарьинска-Криничного, даже и в самом Дарьинске? А почему именно в Дарьинске, что это за город такой?

Саша задумался и не услышал, как поднялась Зара, набросила на плечи покрывало; зябко было в огромном здании, тревожно. Она подошла к окну, за стеклом было черным-черно, но кое-где изредка вспыхивали фиолетовые огни.

– Что это загорается и тут же потухает? – спросила она негромко, но Саша тут же схватил ятаган, стал похож на Тимофея.

– Извини, не хотела тебя испугать (он давно уже отучил ее говорить «мой господин»), – сказала она. Но Саша все-таки вздрогнул, не от ночной ли прохлады?

– Должно быть, это какие-то городские светлячки, я подобные видел на границе Темных миров. – ответил он, понимая, что все-таки не светлячки ее интересуют.

Она подошла к нему, положила руки на плечи, и в Саше почему-то болью отозвалась ее невинная ласка. Он вдруг подумал, что так малы они с Зарой, так незащитны в этом огромном угасающем пространстве – среди никому не нужных домов, бьющихся зеркал, незапертых дверей, так незаметны, что дерзостью будет даже подумать, что если они с этой девушкой бросятся друг другу в

объятья, то это добавит где-то нолик или крестик, или хотя бы щелкнет где-то костяшка канцелярских счет, или исчезнет июньская бабочка из давнишнего детского сна, или пожелтевший кленовый листок сорвется с ветки, не дождавшись сентября – в мире может дрогнуть только одно сердце – дашино. Он обнял Зару, поцеловал в щеку – ее сердце не в счет? – и спросил:

– Не спится, милая?

– Да, не идет сон, – погасла она.

Нет на свете ничего горше неразделенной любви, нет ничего слаще. Кажется, что эта была последней. И как не оплакать ее? Зара вернулась в постель, лежала с открытыми глазами, смотрела на сиреневые вспышки за окном, и слезы помимо ее воли капали на подушку.

И вдруг она, может, по чуть ощутимому колебанию воздуха, или благодаря какому-то десятому чувству, а, может даже по изменившемуся порядку вспышек светляков (говорят, женщина чувствует даже мольями), поняла, что в этом гостиничном номере есть кто-то, кроме их троих

Тусклая лампочка, которую они кое-как сумели подключить к автономному генератору, почти ничего не освещала; в углах комнаты лежал густой мрак, и в этом мраке что-то находилось. Чуть живая от страха, она толкнула спящего Тимофея, который тотчас открыл глаза, и, увидев перепуганную Зару, все понял без слов. Не делая резких движений, Тимофей поднялся, взял копьё, и двинулся к самому темному углу.

– Что такое? – окликнул его Саша. – Наш номер надежно заперт изнутри, я сам вечером проверял замок. Так что, зря вы переполошились.

– Вот сейчас и поглядим на эти замки, – сказал Тимофей, и вытянул копьё, и, вдруг из мрака раздался сиплый, простуженный голос:

– Не убивайте, я без оружия... И агрессивных намерений у меня нет...

Из фиолетовой темноты выдвинулось чудовище – не то медведь, не то огромная лохматая собака. Путешественники невольно попятнулись.

– Не бойтесь, – сказала чудовище, – это у меня комбинезон такой. меховой. Здесь по ночам так холодно, что зуб на зуб не попадает.

Чудовище сбросило свою шкуру и превратилось в заурядного мужика лет тридцати пяти, в сером свитере, потертых джинсах, с электрическим фонариком в руках – вылитый физрук из Сашиного интерната.

– Опустите вы, наконец, свое копьё, – добавил он раздраженно.

Тимофей посмотрел на Сашу, тот кивнул, и старый вояка убрал отточенное острие от груди ночного гостя.

– Кто вы? – спросил Саша. – И каким образом вы оказались здесь?

В голосе Саши прозвучали жесткие нотки. А откуда взяться радушию, если человек носит звериные шкуры, тайно пробирается к месту ночлега скитальцев, а до этого пытается убить их, сбросив на них тяжеленное стекло?

– Ваши вопросы очень смахивают на допрос, – сказал мужик, – но я отвечу на них. Попал я сюда, как, полагаю, и вы тоже, на космическом корабле... Впрочем, не стану от вас скрывать, прибыл я сюда на отличном от ракет устройстве... собственной конструкции.

Он горделиво улыбнулся, приосанился и продолжил:

– А зовут меня, если имя мое хоть что-нибудь вам скажет, – Перламутр с порядковым номером семь тыщ пятьсот двадцать четыре. Легко запоминающееся имя.

– А физруком в пятой школе-интернате вы, случаем, не работали? – не удержался и перебил его Саша.

– Я – иностранец! – сказал Перламутр с порядковым номером. Как будто всем без исключения иностранцам заказана дорога в физруки.

– И вообще я с другой звездной системы, – гнул свое с порядковым номером.

– Мы тоже с другой, – подал голос воин из Бузулука. – Бузулук там как раз рядышком, на столбовой дороге...

– Молодец! Космический волк! – показал Саша станичнику большой палец правой руки, поднятый вверх. – Молоток!..

Саша обратил внимание на странный говор Перламутра, как будто тот куда-то торопился. Он прислушался и спросил у позднего (или – раннего?) гостя:

– А, может, вы из независимого телеканала, там тоже такая быстроговорка?

– Я сам по себе, – ответил он. – А говор мой у нас с древних пор зовется манхеттенским. Почему – не знаю... А вам я советую ноги уносить с этой планетки, как можно скорее, если не хотите крупных неприятностей...

И он рассказал, что до недавнего времени был зауряднейшим изобретателем космических кораблей, ну да, атомные двигатели, фотонные отражатели, – разве он виноват, что все это устаревало, не дойдя до космической стапелей... Конструкторы торопились, как спринтеры, весь космодром завалили опытными образцами своих творений, на бреющем полете проносились над городом в своих капсулах, последних ступенях, модулях, создавая опасность для других капсул. Каких только не изобретали ракет! И работавших на солярке, и на авиационном бензине, и даже на антраците.

А потом прошел слух, что изобрели-таки машину времени, и теперь в любую точку пространства-времени можно попасть без грохота ракетных двигателей, без пламени, гари и чада. Перламутр упал, было, духом – прямо из рук вырвали, можно сказать, дело всей жизни. А он как раз в то время изобретал большую электрическую, полностью автоматическую, ракету. Автоматическую не в смысле керосин перекачать из одной бочки в другую без помощи шланга и подсоса, а в смысле, что автоматы сами будут выбирать на какую планету лететь, и лететь ли вообще. Предполагалось, что на ракете будут установлены полезные для здоровья матрасы с функцией массажа, чтобы у космонавтов не возникало пролежней, когда они столетиями будут лежать в анабиозе. Позаботился конструктор даже о женщинах, которые могут захотеть за время полета родить и воспитать детей. Для них на борту будет устроен автоматический родильный дом... Но этому проекту не суждено было воплотиться в металле, пластмассе, ценных породах дерева. Электрическую ракету убила проклятая машина времени. Не нужны стали и сами ученые. Для чего их, касатиков, учить и заставлять писать скучнейшие диссертации, требовать, чтобы они десятилетиями портили зрение не, отрываясь от микроскопов, если сел в машину времени и перенесся в далекое будущее, где уже все изобретено, даже вечная молодость, и взял все, что тебе нужно – чертежи, запчасти, технологии – и вот уже на дворе будущее, приближенное рывками во времени.

Невеселая судьба ожидала тысячи уникальных космических изобретений. Часто вместе с ними погибали и перспективные разработки двойного назначения, как, например, скорострельная пушка, бьющая наповал городского са-

блезубого медведя концентрированным пломбиром. Вообще-то отстрел этого говорящего человеческим голосом, медведя, был запрещен, потому, что медведей после недолгой дрессировки использовались для охоты на ужасного Лунного Изюбра. А самого медведя было взять охотнику почти невозможно. Только заморозив неизвестно откуда взявшееся в этих краях животное, можно было не опасаться это чудище, которое, говорят, своими устрашающими клыками легко перекусывало рельсы вместе со шпалами. В итоге пушка была вычеркнута из плана перспективных разработок. И что же мы получили? Медведи спокойно ходят по площадям и улицам города. Обвиновали в этом, конечно, ученых. Сколько буйных головушек на эшафотах осыпалось, как перезрелые семечки из подсолнуха!..

А время шло себе и шло... И таило в себе нешуточную угрозу для ученых, всякого рода изобретателей и новаторов. И кучка ученых, особо отчаявшихся, решила его убить – время, тем более, что существовало подозрение, что его вообще не существует.

Взялись за дело в глубокой тайне, в тиши подземных лабораторий. Особенно таились заговорщики от Руководства, не зная, как оно отнесется к такой разработке. Думали, что рискуют буйными своими головушками. А оказалось, что не зря Руководство называли мудрым, оно не только знало об этих изысканиях, но и направляло их – до поры до времени тайно, потому, что существовала и другая кучка ученых, которая боролась за сохранение времени как четвертого измерения пространства – времени, за его последовательность и необратимость, в общем, ретрограды-мичуринцы. Руководство тайно поддерживало и эту кучку. Руководил и теми, и другими, конечно, тайно Ехарный Бабай.

А потом получилось все как бы само собой.

Как-то галактические умы оторвались от макро-микро-мира, заглянули в ближайший гадюшник, чекалдыкнули по стаканчику, заполировали, как водится, пивком, как раз свеженькое подвезли, черное, как смоль, – мартовское, крепкое. Стали, конечно, разговаривать за жизнь, взяли друг друга за грудки: Вася, ты меня уважаешь? А ты уважаешь мою теорию краснотала?.. Чтoб тебе ни дна ни покрывки!.. Бездарь! От такого слышу!..

И в этот момент время остановилось – то ли само по себе, то ли по чьему-то злоумышлению. Встало, как вкопанное – ни шагу вперед, ни полшага назад. Мы-то уже наверняка знаем кто его и зачем остановил.

Кто поумнее был, тот с воплями «Бумаги мне, бумаги!» бросился составлять запись, из которой выходило, что именно его усилиями и остановлено это проклятое время. Тут намек даже не на орден – бери выше – на нобелевскую!

И сразу нашлись формулы, определения, правила, законы... Целые роты сели писать диссертации, батальоны сочинять очерки, кое-кто – хвалебные оды.

А время стояло нерушимо, как пирамиды.

Руководство посовещалось, и пришло к выводу, что будет идеальным, если всем процессом включения – выключения времени, так сказать, в межпланетном масштабе, будет вестись только Руководство. И народу будет спокойнее, и в Темных мирах угомонятся, да и вообще, приятно быть всемогущим. И тут же был вызван в кабинет Руководства самый умный (одних орденов полпуда, а Перламутор его первый заместитель – и по уму, и по орденам) новатор – с большой буквы – Новатор, и ему в двух словах объяснили ситуацию.

– Обороноспособность нашей галактики вся в прорехах, – сказали ему, – того и гляди просочатся коварные куэнзимы. Надо поддерживать с ними дипломатические контакты, болтать о мире и изо всех сил укреплять оборону... Короче, вот тебе две недели (Руководство, когда сердится – всегда переходит на «ты») , чтобы научиться управлять временем, и, естественно, передать эти знания Руководству. Выполнишь – награда будет царская, не исполнишь – слез, чтобы оплакать свою злую судьбу, не хватит! Понятно?

Новатору было понятно, что в случае чего, бежать некуда. А, может, в Темных мирах отсидеться? Но всем известно, что у Междупланетного Руководства руки длинные... Выход один – обуздать время и передать его в управление Руководству. Но как это сделать? Никак невозможно!.. Значит, плаха, позор, забвение... Все новаторы пригорюнились, ведь дело касалось именно всех. Вот пролетят две недели, и потащат их к эшафоту: сначала объявят вредителями и белогвардейскими прихвостнями, во всех газетах напишут про гуманизм и вполне возможно оставят их головы на плечах, а, может, неторопливый Сансон, палач, сын и внук палача, сенатор, крупный ученый – историк, укоротит профессоров на три вершка, кандидатов наук – на два, а академиков ополовинит сверкающим самозатачивающимся лезвием смарт-гильотины, изобретенной некогда как раз Перламутром с порядковым номером семь тыщ пятьсот двадцать четыре.

Ну, насчет плахи, конечно, произнесено для красного словца, чтобы усилить сказанное; в семьдесят первом веке живем, смертная казнь, слава Богу, отменена и практически не применяется уже третий год. Осужденным преступникам даруется жизнь, чтобы они могли употребить ее на добрые дела, а самых страшных бандитов, а их становилось все больше и больше, в обязательном порядке стерилизовали, считалось, что это избавляет от излишней агрессии, и заточали в гигантский лабиринт, выхода из которого не сумел пока найти ни один преступник. Всего в разные годы было помещено сюда тринадцать тысяч заключенных, которым было обещано: найдете дорогу к выходу, станете свободными. Но они не только не нашли выхода, они даже друг друга ни разу не встретили. Так и бродят они по коридорам – коридорищам, потерявши надежду хоть когда-нибудь увидеть белый свет...

– Да, – добавил Перламутр, – а что вы делаете с этими консервными банками, которых вы набрали полные руки? Это наживка для ловли северной гигантской уклеи. Надеюсь, вам не пришло в голову употреблять это в пищу?

Видимо, изобретатель космических челнов рассчитывал на то, что путешественники будут шокированы тем, что по незнанию навалились на наживку, но никто не бросился к ночным вазам, борясь с тошнотой.

– Вкусная еда, – подтвердил Тимофей, – так бы всю жизнь питался...

А Саша вообще пропустил этот факт мимо ушей, он переспросил о другом:

– Из какого вы, сказали, века?

– Из семьдесят первого, – повторил Перламутр. – Но местные календари показывают 18 июня 3045 года. Между прочим, красный день календаря...

– Или кто-то в этот день родился, или какая-то революция произошла. – сказал Саша, пытаясь вспомнить, что же за праздник бывает восемнадцатого июня?

– Так чем там дело кончилось с обузданием времен? – сказал он, так и не вспомнив про июнь. Хуже всего не знать, да забыть...

Перламутр с порядковым номером семь тыщ пятьсот двадцать четыре тяжело вздохнул, продолжил рассказ: нет, не покорилося время главному новатору ни за две недели, ни за два года. Время стояло, как придавленное асфальтовым катком.

Руководство очень осерчалось, и в один прекрасный (кому как) день главный новатор исчез, не оставив записки. Вместе с ним пропали из всех библиотек написанные им книги – учебники, монографии и даже два приключенческих романа. Из энциклопедий исчезли портреты ученого, из газет испарились интервью с ним, заметки о нем. Остались только ордена, полпуца.

Руководство вызвало Перламутра. «Давай, говорит, засучивай рукава, ты теперь главный, сроку тебе две недели: или ты притащишь нам за шиворот время, или в асфальт закатаем!»

Новоиспеченный Главный Новатор понял: Руководство не шутит, сказал «закатает» – значит закатает. И Перламутр бросился на космодром, туда как раз на уничтожение пригнали партию самопала – космических кораблей – подделок; некоторые были такими удачными, что невозможно было отличить от оригинала. Он выбрал одну ракету с полными баками керосина, и нажал на кнопку «пуск». И ракета немедленно развалилась на составные части – одних заклепок было шестнадцать миллионов, да столько же болтов, в два раза больше шурупов – и все металлическое проржавело, превратилось в труху. Еле живой выбрался Перламутр из-под обломков космической лодки, и понял, что Руководство приняло исключительные меры, чтобы он не сбежал – применило самое запрещенное в мире оружие – коррозионное. Значит, планета обречена. Применение только одного такого боеприпаса приводит к тому, что ржавчина начинает пожирать железо, сталь, чугун..., за ними и медь, алюминий, – в считанные часы планета лишается металлов, кроме золота, но разве золото может заменить железо? Можете представить себе мир без металлов, где даже мечи будут золотые?

Как Руководство пошло на это? Может, все-таки оно рассчитывает перебраться на другую планету? Неужели завершены работы над совершенно секретной фанерной ракетой, при сооружении которой не используются металлы; все сшивается особо прочными бамбуковыми гвоздями?

Перламутр с порядковым номером семь тыщ пятьсот двадцать четыре по случаю (один новатор разболтал) знал площадку, на которой проходила испытания эта сверхсекретная ракета, легкая, прочная, экологически чистая. Он недолго размышлял, собрал манатки (а денег, чудак, не взял: зачем на необитаемой планете, куда он собирался податься, деньги?) – трусы, зубную пасту (а щетку забыл, теперь должно быть изо рта воняет), фонарик, подарочный набор презервативов (подарила на Новый год Нинка-буфетчица, так их и не распробовали – недосуг). Подумал – подумал, и презервативы оставил: на необитаемой, погибшей планете вряд ли будет возможность проверить качество этих изделий. Вместо коробки кондомов он взял томик стихов – сборник произведений величайших поэтов современности, там ему особенно нравились вот эти строчки: «Стой, товарищ! Ты куда? – Я в колхоз иду – туда... Помнишь, вместе воевали за Отчизну милую?..». Он не знал значение слова «отчизна», и никто не мог ему объяснить, но неизвестно почему это слово завораживало его – до стеснения в груди, до сердцебиений, а однажды он даже заплакал, и совершенно не удивился этому.

Он сам в душе был, безусловно, поэтом, и даже пробовал слагать стихи, но скоро понял, что рифмовать – просто, а писать стихи невозможно, если не

продал душу Дьяволу, да и продавшие – не все поэты, и он бросил рифмовать. Но с тех пор он настороженно относился к настоящим поэтам, тем немногим, которых он знал. В их числе и к Леше Тыцких, с которым жизнь сводила в юности – столько было выпито, столько спето, столько пролито слез, столько раз бездонные зрачки Дьявола взирали на них, что сомнений не осталось – они поэты... По-другому – отверженные.

Перламутр с порядковым номером семь тыщ пятьсот двадцать четыре был ловок, но невезуч. Он прокрался на площадку с секретной ракетой, удивился беспечности охраны, но тут в воздухе над его головой материализовались беспилотные сверхзвуковые наручники, тоже некогда изобретенные им самим, раздался резкий металлический щелчок и наручники замкнулись на запястьях изобретателя. Наручники произнесли: «Вы арестованы на основании «Закона об арестах» и осуждены по «Закону о наказаниях». Через двадцать четыре часа после ареста вы будете скормлены саблезубому крокодилу с планеты Чимган из медузообразной галактики номер девять. Руководство, проявляя гуманизм, заменяет крокодила на сорокотонный асфальтовый паровой каток, который переедет преступника всего три раза, притом очень медленно, предельно гуманно. Да свершится воля народа!»

Перламутр понял, что проиграл Руководству. Мудрые его члены упредили новатора во всем.

– Хорошо, – сказал он в наручники, – берусь сделать все, что нужно Руководству... Обязуюсь...

– Поздно, – откликнулись наручники, – в ваших услугах больше не нуждаются... Так что, завтра утром пожалуйста под каток.

И Перламутр пал духом. Поэты вообще народ крепкий, но боли не переносят: чуть где болячка, или головная боль, или сухой кашель, или понос, – они тут же в панику: спасите отечество, так дальше жить разве можно, встанем, как один, и спасем Родину, избавим ее от этой невыносимой боли.

Им нужно как можно больше людей уловить в свои сети, чтобы хоть занозу, хоть куриную слепоту, хоть укусы комара разделить на всех – пусть мучаются.

Но пока под каток идти ему одному.

Откуда-то появилась охрана, многочисленная, как войско. Перламутра до утра заточили в крошечную комнатку с железной дверью, поставили часового – паренька, только что призванного из провинции выполнять свой гражданский долг, подчиняясь беспрекословно Руководству.

Боец заглянул в комнату, где в наручниках, закованный в кандалы, думал о паровом катке Перламутр.

– Боишься, дядя? – спросил он.

– Боюсь! – не стал кривить душой узник. – Очень боюсь...

– А не надо было пракудить! Не знаю, что ты натворил, но, видать, сильно насолил Руководству, коли велено тебя раздавить без покаяния...

Перламутр вздохнул.

– Теперь нечего вздыхать, – строго сказал боец, и быстро спросил:

– А деньги есть? На выкуп?

– А что, можно?

– Дядя, ты как не родной! – изумился боец. – С деньгами никогда под каток не попадешь. Сто пиастров, и катись, куда глаза глядят...

– Сто пиастров?! – поразился новатор ничтожности суммы выкупа. Неужели его конструкторская голова стоит так дешево? Две бутылки дешевого столового вина...

– Мне из казны за каждого раздавленного идет полтинник, да с таких, как ты сотенку могу содрать, вот и набегает за месяц приличная сумма – на портвешок хватает... Не жидись, но если чуток у тебя не набирается пиастров, то скошу немало, но меньше, чем за пятьдесят не поладим...

Перламутр замялся, потрясенный до самой глубины души – его жизнь, оказывается можно купить за пятьдесят пиастров.

Боец это понял по-своему:

– Нет, меньше, чем за полста, я не возьмусь... Неужели тебя выкупить некому? А, впрочем, кому ты нужен? Я всегда знал, что ученые всякие кандидаты и доценты – самые бесполезные люди... Безнужные...

– Нет, я, конечно, заплачу, – заторопился Перламутр, – только я теперь не при деньгах... Хотите, я вам расписку напишу? На двести, нет – на пятьсот пиастров?

Боец скривился: вот угрожают сегодня этого профессора при попытке к бегству, – и плакали денежки.

– Нет, нам чужое не нужно, – сказал солдатик, – если есть деньги – пожалуйте, ручки ваши нежные – буду наручники снимать, нет пиастров – назад в каталажку.

И он оттолкнул Перламутра от двери, когда тот уже готовился перешагнуть через порог своей темницы.

– На тысячу дам расписку, на две! – закричал конструктор, которому очень не хотелось под каток.

– Только кэш! – твердо сказал боец, и добавил:

– Положим, я вместо тебя, раздавленного, смогу предъявить комиссии по исполнению наказаний какую-нибудь козью шкуру, и комиссия охотно поверит (думаешь, ей охота соскребать всякую гадость с асфальта?), но мне-то какая выгода? Никакой!.. Расписка твоя – только бумажка...

И он заорал во всю глотку:

– А ну, назад! Стрелять буду!..

Лязгнул закрываемый замок, и Перламутр остался наедине со своим страхом. Он уселся на холодный бетонный пол, забыв о своем радикулите, и погрузился как бы в забытье, странное состояние бреда, отчаянья и апатии одновременно. Попытался вспомнить далекое свое детство, как и положено осужденным, но вспомнилось только, как он был в школе поставлен в угол за то, что на учебник «Родной речи» опрокинул чернильницу – прямо на портреты Герцена и Огарева, которые, не зная откуда может прийти беда, спокойно давали друг другу какую-то клятву; а тут поток железистых чернил – и благородные лики клянувшихся превратились в бесформенную кляксу, а заодно превратились в эту кляксу и Воробьевы горы, на которых они обещали не давать спуска проклятому самодержавию.

И еще вспомнилось из детства, как у него случился невообразимый запор, такой крепкий, что его не брали никакие снадобья. И тогда бабушка Александра Львовна вместе с его матерью разложили Ваську (он еще не знал, что через тридцать лет станет Перламутром с порядковым номером семь тыщ пятьсот

двадцать четыре) на обеденном столе и попытались закапать ему в задний проход подсолнечного масла; он извивался, визжал так, что сбежались соседи из старинного дома с колоннами, но присутствие соседней не облегчило его участи – масло ему было закапано. Танька из дома с колоннами потом долго дразнила его «жопой с ручкой». Почему именно с ручкой – она не объясняла.

Перламутр даже разозлился на себя за такие не очень светлые воспоминания. Ему стало до слез жалко себя. Эти самые слезы просто полились рекой, во всяком случае, щедрым ключом, залили они и беспилотные наручники, да так, что из них искры посыпались, и даже повалил едкий дым. И тогда наручники заговорили снова.

– Мы прекрасно помним, откуда пошел наш народ, – сказали умные наручники. – Так же, как дистанционные смарт-дубинки, электрошокеры с коэффициентом интеллекта – IQ – выше среднестатистического, и другие смарт-девайсы обязаны вам своим существованием, и благодарны вам за это. Поэтому в знак нашей признательности мы дарим вам схему простого портативного мыследвижителя, который перемещается в пространстве и времени исключительно силой мысли, и ему безразлично стоит или наоборот – мчится со страшной силой капризное время...

Утром молодой боец долго оживлял каток – допотопная техника никак не хотела заводиться (он и масла добавил, свежей соляры залил в бак), и кое-как движок ожил, но что-то в двигателе постукивало – не подвела бы машина в самый ответственный момент. И только потом солдатик, а по совместительству – палач, приоткрыл железную дверь и заорал благим матом:

– Сбег, профессор!.. Держи его!..

В крошечной темнице было пусто, пустее только бывает в кармане за два дня до полочки. Осужденный исчез, испарился, иначе не скажешь, ведь на железной двери болтался огромный навесной замок, и был он совершенно в полном порядке, если не считать ржавчины. Но у нас ничего без ржавчины не бывает – такова наша национальная особенность.

Саша очень внимательно слушал рассказ конструктора-ракетчика. Потом спросил:

– Схему вам дали, это понятно. Но к любой схеме нужна куча инструментов, приборов, расходимых материалов – все и не перечислишь, а вы в этой келье за железной дверью, как вы решили эту задачу?

Перламутр улыбнулся:

– Когда за тобой по пятам катится двадцатитонный каток, то голова становится свежей, как в детстве, парадоксальной, как в студенческой молодости, а сам становишься легком, как перышко... Я разобрался в схеме мыследвижителя, ничего особенного, даже нашел и исправил пару концептуальных ошибок... На том же принципе работают и беспилотные наручники, в них реализована мечта многих поколений людей о том, что вор должен сидеть в тюрьме; попутно можно посадить и дюжину смутьянов...

– В общем, одна пара беспилотных наручников пожертвовала собой, я разобрал самый сложный механизм, построенный на принципах антилогикки, и эти принципы некогда сформулировал я сам... Короче, было еще темно, когда пара наручников путем незначительной переделки превратились в мощный мыследвижитель. Оказывается, наручники могут приносить и приносят большую

пользу. Я не стал долго задерживаться в темнице, попрощался с умными механизмами, и солнце еще не взошло, а я был уже на этой, давно облюбованной мною планете.

– Вот, наконец, стало понятно, каким способом вы добрались сюда! – вскричал Саша. – Не могу ли я воспользоваться этим такси?

Он никак не мог справиться с нервами, представляя долгожданную встречу с Дашей; сколько же лет они не виделись? Сто? Тысячу? Что толку подсчитывать годы, если время стоит, держится, как каменное.

– Обычно мыследвижители заправляются на одно перемещение, – сказал Перламутр. – Это делается специально для того, чтобы не происходило различных курьезов...

– Каких курьезов? – нахмурился Саша, ему очень не нравились одноразовые машины времени и пространства.

Перламутр засмеялся:

– Вот, к примеру, вы замешкались и опоздали на трамвай. И тут же в сердцах произносите: «Да, чтоб тебе провалиться в преисподнюю!!!». И тогда мыследвижителю ничего не останется, как свергнуть ни в чем не виновный трамвай именно туда, где по разумению умной машины и находится ад.

– Интересно бы узнать – где, – задумчиво сказал Саша, – чтобы обходить те места за тысячу верст...

– Все эти места не обойдешь, – ответил гениальный изобретатель, – их бесчисленное множество; надо постоянно быть начеку, чтобы не провалиться в ад!..

И добавил, поразмышляв чуть-чуть:

– А насчет заправки моего мыследвижителя, скажу, что для себя я не стал жалеть энергии, вдруг погоня или бомбежка? – и закачал под завязку. На добрую дюжину перемещений вполне хватит...Только...

– Что? – вскинулся Саша. – Только не говорите, что ваш движитель простудился или подхватил воспаление легких, или вообще при смерти...

– Нет, сам прибор исправен, – и Перламутр с порядковым номером 7 тысяч 524 протянул Саше нечто отдаленно напоминавшее наручники, только на этом таинственном приборе перемигивались десятка три крошечных светодиодов. – Проблема в том, что это персонифицированный аппарат, грубо говоря он заточен под меня... Конечно он может выполнить и ваше мыслеуказание, тем более, что я его об этом попрошу... Но он может и некорректно выполнять ваши приказы, – и ничего с этим не поделаешь, ведь он работает на антилогике...

– В вашем голосе мне слышится печаль? – сказал Саша. – Что, жалко с наручниками расставаться?.. Бросьте, не печальтесь, соберете себе еще другие наручники, целые, – настоящие кандалы лучшего качества. Только не забывайте, что в мире есть кое-что, не менее интересное, чем беспилотные наручники...

– Собственно говоря, я пока не дал своего согласия на использование мыследвижителя, – негромко произнес Перламутр... Вы можете отнять его у меня силой, но как вы тогда узнаете кодовое слово для запуска двигателя прибора?.. Зара безучастно стояла рядом, разглядывая поваленные небоскребы, качала головой: ну надо же, чем заняты люди – строят пирамиды из стекла, скитаются от звезды до звезды, на любой планете, их дожидаются вдовы космонавтов, которые давно ненавидят космос, эту все расширяющуюся холодную пустоту, которая неотступно следит за нами и днем, и вечером, и в полночь, и на рас-

свете – только попробуй ступить не так, как запрограммировано, как сорвется с Солнца огненный смерч протуберанца – и даже если не испепелит, то поселит в душе вечную тоску.

Вдовы космонавтов надеются, что их мужья вернутся из полета, что они не сгорели, не взорвались, не задохнулись в своих бронированных скорлупках, а только изменили орбиты, и вот-вот раздастся стук в дверь, она спросит: «Кто там?», а он счастливо засмеется и закричит ей навстречу: «Я вернулся, любимая!..»

Вдовы космонавтов думают, что они ненавидели космос еще тогда, когда он назывался небом, но они ошибаются – этот страх перед вечной пустотой существовал всегда, даже когда неба не было.

– Пользоваться аппаратом очень просто, – между тем Перламутр учил Сашу обращению с мыследвижителем, – нужно надеть наручники, закрыть их на замок (ключ он даст перед отправлением, а даст ли?), сосредоточится и мысленно приказать аппарату доставить в нужное место, и в нужное время. И могучая энергия антилогики сделает это в мгновение ока.

– Но нужно иметь ввиду, что во время мыслепередачи нельзя ни на что отвлекаться, или хотя бы думать о чем-то постороннем. В противном случае результаты могут быть самыми неожиданными. Например, можете оказаться замурованным в толщу антарктического льда.

– Не нужно нам толщи..., – сказал он и осекся. И увидел полные недоумения глаза Тимофея, и лучики морщинок, разбежавшихся по лбу Зары, и даже разведенные в изумлении руки Перламутра под порядковым номером 7524. Он что, собирается оставить их в этом погибшем мире, брошенным его обитателями?

– Как вы такое только подумать могли, – принялся он отвечать на вопрос, который ему никто не задавал, – просто я рассматриваю все возможности...

Больше к этому не возвращались. Но Саша корил себя: как же смог он позволить своей усталости, отчаянью, тоске вырваться из-под узды?

– Зара! – позвал он девушку. – Давно не открывали мы свой «путеводитель», к чему нам готовиться?

Тимофей достал книжищу, раскрыл ее, тяжеленную, Зара принялась читать: «...на дороге встречается всякое, и чудовища заступают дорогу; смело вступай в борьбу и ты победишь!..»

– Только чудовищ нам не хватало, – сказал Саша, – неужели в этой книжице все должно обязательно сбыться? И он пристально посмотрел на Зару.

– Обязательно! – ответила она. Она еще не простила Сашу за его малодушие: неужели он смог бы оставить ее? Как нашел, так и потерял?

Саша взял Перламутра за локоть и отвел конструктора в сторонку.

– А троих человек разом наручники случайно не осилят? – Нельзя ли увеличить мощность аппарата? Мы бы подсобили, если чего надо. Ну, там дров нарубить, скальпель подать, за «Беломором» сбегать?

Конструктор обнадежил: он помаракует пару дней, есть у него кое какие соображения, которые нужно проверить. Но обещать ничего не стал.

Зара легкомысленно сказала:

– Ну вот, дело осталось за чудовищем, и можно переворачивать еще одну страницу нашего путеводителя...

И тут же раздался ужасный рык, словно гром прогрохотал. Тимофей весь подобрался, напряжился, как будто это не он сейчас рассказывал Перламутру об устройстве самогонного аппарата большой мощности, а также растолковывал ракетному гению, что на качество самогона очень влияет вода. Он сам всегда с самой весны запасался родниковой водой – без бензиновых радужных пятен, без привкуса навоза, – и его самогон славился на весь Бузулук.

Тимофей переложил копьё из одной руки в другую, поправил пояс, на котором висел его устрашающий ятаган. Давай, вражина!.. Кем бы ты ни был, – выходи, мы тебя не боимся!..

– Это кто как, – пробормотал Перламутр, погруженный в размышления об усовершенствовании мыследвижителя.

Страшное рычание раздалось совсем рядом со скитальцами.

– Выходи! – гаркнул Тимофей.

– Пойдите, пойдите, друзья! – Перламутр словно очнулся. – Я, кажется не предупредил вас, что саблезубые медведи почти полностью невидимы, можно рассмотреть только его налитые злобой зрачки... Поэтому никто не знает, как эти медведи выглядят на самом деле, велики они или малы, похожи на медведей или вообще ни на что непохожи – никто и никогда их не изучал, люди всегда, заслышав это сумасшедшее рычание, старались убраться подальше... Так что, я рекомендую и нам последовать их разумному примеру. Говорят, саблезубый медведь беспощаден ...

Оглушающее рычание раздалось в двух шагах от Тимофея. Тот не шелохнулся. Устрашающий рев стал нестерпимо устрашающим.

– Ну, что ты зеваешь? – потерял терпение бывший воин Темучина – Чего глотку дерешь без причины? Есть что ли хочешь? У нас самих со жратвой не густо, но поделимся. Только не ори больше, лады?

***Примечание автора:** У нас в Уральске говорят именно так – не «кричишь», а «зевашь». Нестор Малеча в своем четырехтомном «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» приводит такой пример: «Повариха кричит их к столу, а они все хором зевают: «Опеть, штоль, щербу сварила?»*

Тимофей нагнулся и что-то поднял с пола. Это «что-то» он бережно опустил себе на ладонь. И принялся разглядывать, причмокивая, качая головой, приговаривая:

– Ну, надо же, бывает такое! Глазенки видны, а туловища не рассмотреть никак.

– Что там приключилось? – спросил Саша. – Медведь что ли испугался и убежал, не слышно его рева?

– Да нет, он у меня в нагрудном кармашке рубахи, я ему хлебушка кусочек дал. Ест, болезный.

– В нагрудном кармашке?! – изумился Саша.

– Так он крошечный, меньше мыши, должно быть, от голода постоянного; охотится медведю здесь не на кого, а банку консервов он открыть не может... Когда-то, наверное, они были грозой лесов и гор, а теперь выродились... Одни глаза остались.

Перламутр, вдруг, что-то вспомнил, заторопился:

– Совсем забыл сказать, что саблезубые медведи неплохо понимают человеческую речь, кое-кто из них приемлемо может объясниться с вами на русском, испанском, казахском языках, на поздней латыни. Медведи эти обладают невероятной силы голосом (громкость достигает ста и даже больше децибел), они пользуются им для устрашения противника, если такой будет обнаружен, и собственной защиты.

– И что же ты нас пугал медведями? – спросила Зара. Ученый промолчал.

Тимофей подошел поближе к Саше и протянул к нему руку ладонью вверх. Над ладонью висели два грустных глаза.

– Чудеса! – только и выговорила Зара. – Можно я его поглажу? Он такой маленький... совершенно беззащитный...

Перламутр ухмыльнулся, сказал:

– Еще никому не удавалось его погладить, потому, что во первых у него в этом измерении нет материального тела, только – глаза, а во вторых -- в тех измерениях, где он представлен «наяву,» он достигает веса пятнадцать тысяч тонн, причем самки могут весить все тридцать тысяч тонн. Для того, чтобы передвигаться, при этом очень шустро, медведь умеет создавать искусственное антигравитационное поле. Так что, лучше медведя отпустить, меньше будет хлопот...

– Да, да, лучше меня отпустить, – проревел саблезубый медведь, и Саша понял, что необычный говорящий зверь, старается, как может, говорить тихо, чтобы у скитальцев не лопнули перепонки в ушах. Это был его шепот.

– Как он хорошо говорит по-русски, – восхитилась Зара, – может, он – существо разумное? Может, надо его не только изучать и использовать в охоте на Лунного Изюбря, а устанавливать контакты с его цивилизацией, делиться с медведями высокими технологиями, в общем, дружить?

– Ну, во первых они сами утверждают, что никакого разума в них не ночевало, – сказал Перламутр. – На что, переубеждать? Во-вторых, как с ним производить, скажем, культурный обмен, если не знаешь в каком сегодня измерении находится его основное тело. И потом, вполне вероятно, что мы им «Лебединое озеро», а они спросят: на зуб это можно?

– Но посмотрите, какие у него глаза грустные, – не унималось Зара.

– Очень грустные, – подтвердили глаза.

– Хочу Изюбря! – проревел медведь.

– Вот, вот, у него просыпается охотничий инстинкт, – сказал Перламутр. – Он чует Лунного Изюбря за двадцать парсеков.

Между тем два глаза над ладонью Тимофея тревожно забегали – налево – направо-налево..., и внезапно налились кровью.. Медведь зарычал так, что посыпались оставшиеся стекла.

– Ну, все, теперь его не удержать! – закричал Перламутр. – Отпустите его, скорее!..

Тимофей и сам понял, что не надо удерживать говорящего невидимого зверя. Тут раздался ужасающий взрыв, за ним второй, третий... В конце концов взрывы слились в один непереносимый грохот. Пол под ногами заходил ходуном.

Что это? – закричал Саша.

– Все навехр! – ответил изобретатель. – Изюбрь атакует! Одна надежда, что медведь вцепится в него...

Путешественники мгновенно взлетели на самый верхний этаж, запыхавшись, подстегиваемые непонятым грохотом.

— Изюбрь – подземное животное... Крот, но очень большой, бронированный, клыкастый, и вдобавок – злобный, – сказал Перламутр. Когда он яростно несется под землей, на поверхности вздымаются целые горы. Берегись тогда, никакого оружия против Изюбря не придумано, только – саблезубый невидимый медведь.

Скитальцы не без опаски подошли к окну. Тимофей на всякий случай извлек из ножен свой отточенный ятаган. На улице почва ходила ходуном, поднимались асфальтовые волны и разбивались о стены небоскребов.

– Откуда на мертвой и брошенной планете берется всякая нечисть? – вслух подумал Саша. Все на минуту погрузилось в размышления.

В это время раздалось грозное рычание медведя., к которому, казалось, путешественники уже привыкли. Но привыкнуть к этому было невозможно, и все содрогнулись.

– Медведь настиг Лунного Изюбря, – сказал Перламутр. – Теперь кто кого.

На улице рухнули сразу два гигантских небоскреба, все заволокло клубами вековой пыли.

– Само по себе ничего не берется – ни Изюбрь, ни медведь этот, – сказала Зара, когда хоть чуть-чуть рассеялась пыль. И продолжила:

– Один прячет тело в иных измерениях (Саша смотрел на нее с восхищением – ну, кто узнает в ней вчерашнюю наложницу? Излагает, как завкафедрой межличностных отношений!), другой обитает под землей... Но и тот, и другой, и пятидесятый только и ждут, чтобы вцепиться в тебя, как будто с самого сотворения мира было решено, что этот мир отдается на страдания, на то, чтобы терпеть кусающегося Изюбря, и только после всех этих мук будет рождена возможность счастья... Возможность!.. Потому, что сегодня даже возможности нет... И вот, для того, чтобы стеречь мир от счастья, чтобы никто, даже по случайности, не попал туда, и посылают чудищ... Враг человеческий не дремлет!..

Минут двадцать раздавался грохот и рычание, продолжалась битва монстров. Саких исчадий ада не было видно. Казалось, что вот-вот, – и рухнет здание, на верхнем этаже которого скитальцы переживали за исход битвы. Победит медведь – людям опасаться нечего, а если одолеет бронированный крот, то ничего хорошего из этого не выйдет: человек для Изюбря – враг номер один, ведь человек на протяжении столетий устраивал на Лунных Изюбрей кровавые охоты.

И вдруг в одну секунду стало тихо. Оборвался рев, грохот и какой-то даже свист, резкий, как пила за стеной в два часа ночи. Путешественники боялись вздохнуть: чья взяла?

И в этой тишине вдруг прозвучал ликующий голос:

– Эврика!

Это вопил Перламутр. Он смешно махал руками, подпрыгивал на месте, просто мальчишка!

– Я нашел! Нашел! – кричал он

– И это человек семьдесят первого века! – сказал Саша, но заинтересовался: чего же такого нашел профессор.

– Я придумал, как увеличить подъемную силу мыследвижителя, и отправить вас троих назад – в ваше время, – повторил Перламутр. Я ломал себе голову, а оказалось все довольно просто. Следуя формуле академика Исаака Самуиловича

Кузнецова и благодаря капитальному труду профессора – Ивана Ивановича Задумченко – «Мысль и материя мысли» – мне удалось, наконец вывести универсальную формулу материализации мысленных полетов. Берем константу Зильберта, имея ввиду и потоки сознания...»

– Давайте обойдемся без научных подробностей, – сказал Саша. – Думаю, вы скоро засядете за обширную монографию по означенной проблеме. Как только отправите нас. Вот только, боюсь, читателей у вас будет немного – на пустой планете... Не смущает это обстоятельство?

– Ни в малой мере. – ответил Перламутр. – Я давно мечтал засесть за работу, главное изложить свои мысли, если они есть, а рукописи, вы же знаете, не пропадают...

– Вы оптимист, – заключил Саша.

– А я – нет, – печально сказала Зара. Саша вздохнул и отправился помогать профессору, реконструировать мыследвижатель.

– Медведь вернулся! – закричал Тимофей, увидев пару глаз парящих над его плечом.

– Да, это я! – проревел медведь, и скитальцы отметили, что рык говорящего зверя на этот раз был более терпимым.

– Ты как будто голос потерял? – спросил у медведя Тимофей.

Тот вздохнул и ответил:

– Вместе с голосом и половину своего тела.

– Беденький!.. – Зара все-таки попыталась погладить медведя – в том месте, где предположительно могла быть его голова. Но там ничего не было. Она осторожно пошарила руками вокруг немигающих глаз, висящих на уровне плеча Тимофея, но и там она никого не смогла погладить.

Глаза погрустнели еще больше.

– Мы все разные, – сказал он еще тише, чем до этого, – На безымянной планете в созвездии Прокси есть даже говорящие табуретки, – и никого это не удивляет. Есть люди-горы, люди – огурцы и люди-горошины, и все они уживаются в одной вселенной... Кого можно погладить – и он счастливо замурлыкает, а кто и сам норовит тебя погладить...И только когда нас достают, берут на прицел, ставят капканы и плюют вслед, мы вынимаем руки из глубоких карманов – и нас не удержать...

Тимофей спросил у медведя, победил ли он Лунного Изюбря?

– Только прогнал, – заскромничал медведь, – победить его нельзя, он постоянно черпает силы из огненных рек неостывших вулканов.

Меж тем Перламутр учил Сашу, как управлять мыследвижателем.

– Вы никогда не должны забывать, – говорил изобретатель, – что во время перемещения нельзя допустить, чтобы члены экипажа думали о постороннем, иначе мыслелет может забросить путешественников в какую-нибудь забытую Богом газовую туманность, или прямехонько в жуткую черную дыру. – Не забудьте...

Всю следующую неделю путешественники искали и находили в мертвом городе какие-то железки, выломали даже печатную плату из кассового аппарата в спортивном, кажется, магазине. Взяли и футбольный мяч, а заодно и волейбольный, надрали в домах целый сноп разноцветных проводов. Запасли и провизии, Тимофею особенно понравился законсервированный плавник гигантской северной уклеи.

– У нас дома тоже уклейка попадается, – сказал он, – но с палец, не крупнее, а здесь один плавник, говорят, пуда два... Вот это рыбка!.. Эх, знали бы вы, как привольно у нас в Бузулуке!..

За пару дней Перламутр собрал нечто похожее на коврик, какой-то удивительно неопрятный, искрящийся и жалящий людей болезненными фиолетовыми искрами. В конце концов изобретатель приладил к коврику свои беспилотные наручники, оглядел критически свое творение, хмыкнул.

– Если бы я не был сумасшедшим, я никогда бы не предложил вам этот электронный половик, ну, разве только ноги вытирать, – сказал он. – Но поскольку и вы не вполне нормальны, а вообще, где взять нормальных? – то говорю вам «Добрый путь!» Давайте прощаться... Медведь остается, надеюсь, со мной, Изюбря отгонять... Счастливо вам!

Да, напоследок должен напомнить вам главный принцип мыследвижителя...

– Может обойдемся без принципов этих главных?.. – перебил его Саша. Но Перламутр был неумолим:

– Это очень важно!..

Он собрался с мыслями, продолжил:

– Сила мысли готова перенести вас в любую точку пространства, по сути дела – это сила желаний, сила «щучьего веления»... Материализованная мечта... Но это не дармовая энергия, которая неизвестно откуда берется, и берется ли вообще. Отнюдь не дармовая!.. Я не уверен, что мыследвижитель на самом деле никуда вас не перемещает, а создает мнимую реальность, настолько глубокую, настолько правдоподобную, что постепенно она вытесняет даже крохи подлинного... Вы окажетесь участником грандиозного спектакля в театре абсурда, и ваш мозг не сможет различить настоящее от вымышленного. Может случиться, что когда-нибудь вам предъявят реальность, которую мы именуем подлинностью, и этот счет покажется вам несоразмерным совершенному. Будьте готовы ко всему... К примеру, проживете пятьдесят лет под боком у чудесной жены, куча детишек заведется доме – гвалт, не найдешь, где чьи башмаки, за завтраком одного хлеба две буханки уходит – четыре девчонки и четыре мальчишки – дал Господь, да снох не злых, да и зятя, должно быть, попадутся срушные – все им по рукам. И полвека не покажутся долгими, обузными, – можно еще столько потерпеть, но однажды тихим июньским вечером соберутся они на речку, на желтый Урал, желтый – должно быть, от золота времен, растворенных в здешней воде. Выйдут они на Жемчужный яр (так называется, не для красного словца придумано мной), – далеко видно с Жемчужного, далеко!.. Здесь кажется, что можно рассмотреть всю родную нашу Родину, все поймы, все рощи и леса, все старицы и озера, все божьи церкви, все от чего сердце заходится от любви... Даша залюбуется этой вечерней красотой. Обернется к Саше, чтобы сказать ему, что любит его, а Саши нет. Только что стоял на яру, она слышала его дыханье, и в мгновение исчез...

– Саша! – позовет она его, и другой раз, и десятый...

И вернется она домой, может, он каким-то случаем попал сюда раньше нее?

– Саша! – и тогда она поймет, что еще не растрочен запас скитаний, что космос позвал его – на день ли, на век ли? – пришла пора выпрямить время, там,

где нечаянно его погнули, и искривленное пространство привести в порядок, и узнать, наконец, до каких пределов будет расширяться расширяемая вселенная, и нет ли где вселенной сужающейся? Вечная энергия разлук позвала его, наконец, объяснить необъяснимое, доказать, что небываемое существует... Иначе вся жизнь была сном – и мыследвижетель, и беседы с Темучином, и зиккурат, в подножье которого он замуровал табличку с посланием к Даше... Все это только приснилось, и вот пришел рассвет, пора просыпаться... С добрым утром!

– Впрочем, это только мои предположения, – сказал великий изобретатель, – может, все произойдет не так... В любом случае, все станет на свои места, когда «оживет» время...

– Вот, это я хотел вам сказать, – завершил Перламутр свое напутствие, которое повергло Сашу в глубокую задумчивость.

– Так, может, не станете рисковать? – спросил конструктор. – Переждете здесь, пока, наконец, запустят время? И тогда, как все люди в мягком купе ракеты отправитесь на Землю, в родной двадцать первый век

Саша удивленно посмотрел на него: что он говорит, этот человек из семьдесят первого века? Должно быть, он никогда не бывал в таких местах, где тропинка сбегает из леса и дальше мчится к яру, и с разбегу ныряет в воду, как будто тут водятся русалки и они, а не бабы из близкой станицы, протоптали ее. Неужели он никогда не видел, как солнце растекается по вечерам за близким горизонтом, и коровы, возвращающиеся в поселок из степи, по колено шагают в этом жидком солнечном огне?.. Неужели у них в семьдесят первом веке нет улицы Вальково-Набережной, улицы Буянной, улицы Яикской, на которых изо дня в день, из вечера в вечер – и так годами – русские бабы ждут своих мужиков – из тюрьмы, из космоса, с рыбалки. Да, мало ли откуда... И не годится заставлять их ждать больше положенного им на веку... Домой, домой... Даже если придется всю жизнь шагать пешком, даже если придется довериться этой подозрительной машине-коврику!..

А что же будет с остановившимся временем? Или – остановленным?

– Пусть оно подождет, – не очень уверенно произнес Саша. – Ему не повредит отдохнуть, уж очень быстро оно мчалось до этого – в глазах мелькало!..

– Вот повидаяюсь с Дашей и займусь временем, – пообещал он. – Хотя бы до Земли опять добраться...

И чтобы умершая планета напоследок не вцепилась в нас своими ржавыми когтями...

– А, может, вы с нами поедете? – спросила Зара у Перламутра. – Было бы не скучно... Изюбря с медведем тоже надо попытаться вывезти отсюда?

– Как ты на это смотришь? На Земле в твои времена много места? – повернулась она к Саше.

– Места у нас навалом, – ответил он, если, конечно сейчас не воюют, а когда воюют, весь мир кажется с ладошку, нигде войну не пересидишь, все равно пойдешь за пятнистым ватником, винтовкой, а заодно и каску дадут, махры моршанской, банку тушёнки из стратегического запаса и ржавых надкусанных сухарей. И полковник из военкомата, старый рубака, с «альфой» весь мир проехал, похлопает призывника по плечу:

– Не подкачай сынок, эконошь патроны, больше действуй штыком и прикладом, в общем, ждем с победой!

– Нет, я не хочу на призывной пункт, – сказал Перламутр. – Да, на моей планете и нет никаких войн...И даже воинской повинности... И вообще я здесь один, засяду уже с сегодняшнего вечера за монографию, хочу поразмышлять о мыслелетах, как примере овеществленной мечты человечества. Другая вековечная мечта была о счастье, думаю, что я сумею построить «аппарат счастья» из другой пары беспилотных наручников, и уже скоро терминалы счастья, будут стоять на каждом углу... Мы будем раздавать счастье, как стратегическую тушёнку...

– Так что, я никуда с этой планеты не тронусь... Если Руководство встретите, скажите, что нас не видели, – закончил конструктор.

– Вас? – переспросил Саша.

– Ну, да, со мной же теперь медведь, да и Изюбря не оставляю...

– Он, Изюбрь, в общем неплохой зверь, – из кармана рубашки Тимофея выплыли глаза Саблезубого медведя. – Надо просто перестать на него охотиться; с ним ведь и поговорить можно, у него приличный словарный запас... Кстати, у меня словарный запас не меньше... И еще я по-английски чуток умею...

– Вот и будем хозяйничать втроем. Подберем себе небоскреб, – и заживем – любо – дорого! – принялся мечтать вслух Перламутр. Он подошел к Заре и сказал так, чтобы она одна слышала:

– А совсем счастливая жизнь настала бы, если бы Зара с нами осталась... Только представь себе, ты могла бы стать Евой новой цивилизации!..

Зара потемнела лицом, резко отвернулась. Как раз подошел Саша, спросил у конструктора:

– Если эта неприятность с остановкой времени продолжится, то в таком случае буду вынужден обратиться к вам, гражданин вольной планеты, Перламутр с порядковым номером семь тысяч пятьсот двадцать четыре...

– Да, к чему величаться, – смутился великий изобретатель. – Всегда буду ждать вас – или одного, или хоть с Зарой...

Саша заглянул в глаза девушки, но ничего там не рассмотрел.

– Ну, что там в нашем путеводителе написано? – спросил он у нее.

Она с помощью Тимофея открыла инкунабулу:

– Что-то не очень понятное, – сказала она. – Если дословно перевести, то будет звучать так: «Склоняй голову у мазаров, и встреча будет неожиданной...»

– Сейчас сами посмотрим – что там непонятного, – сказал Саша.

Сборы были недолги, подогнали поближе к мыслелету Орлика и Дождь, отъедавшихся все это время консервированными ананасами, захватили на всякий случай несколько банок сока, само собой, – кизилового, и встали, прижавшись друг к другу на псевдоэлектрический квазииллюзорный ковер-самолет на быстрых нейтронах, так просил называть аппарат его изобретатель, великий ученый Перламутр...

– Думайте все только о Земле, и не отвлекайтесь на посторонние мысли, – сказал Саша и крикнул «Прощайте!». И нажал на кнопку.

Вспышка, хлопок... «Интересно, – подумал Саша, – какое сейчас время года там, где Даша?..

Вспышка, фиолетовое сияние... Потянуло холодом, но каким-то особым – промозглым, влажным, продирающим до самых костей – такая погода бывает в южных пустынях; на смену этому холоду всегда приходят или мороз, буран, снег, или уже к полудню растапливает все степная жара...Но если они в южной

степи, значит, мыслелет сработал? Но куда он их забросил, в какое время?

Саша поднял с земли то, что еще сегодня (вчера, завтра?) называлось мыслелетом: обрывки проводов, разбитые микрочипы, пучок навсегда погасших светодиодов... Только беспилотные наручники были готовы к работе. Они внятно предложили: «Готовы сотрудничать с властями данной планеты. Предлагается заключить под стражу весь отряд (три гуманоида и две лошади), двигающийся с невыясненной целью в неизвестном направлении. В нынешней обострившейся международной обстановке нельзя допустить на планету...»

– Заткнитесь! – сказал Саша наручникам. И они заткнулись. Надолго ли?

Наручники с минуту обиженно помолчали, и продолжили:

– Между прочим, на дворе шестое декабря 1864 года, планета Земля...

– Опять промахнулись, – разочарованно произнес Саша. – Чуть не на двести лет...

Глава двенадцатая: ПОД ОГНЕМ

Темно в степи было, как в валенке. Звезды даже не угадывались в вышине, а, может, и самой вышины там не было, и стояла необыкновенная тишина, про которую говорят:

– Хоть ори, хоть хоть наизнанку вывернись, но только такой ночью никто тебя не услышит!

– И тут же ударил выстрел. Второй, десятый... Пули просвистели над головами путников. Как будто стреляли не прицельно, а для острастки. Выстрелы сопровождались дикими криками, иногда даже воем.

– Кажется, в свое время попали, – сказал Саша. В каком еще веке сначала стреляют, а потом спрашивают «Стой, собака, кто идет?»

– Так было всегда, – сказал Тимофей, – сначала торопятся убить, а потом объяснить за что убили...

Раздались еще несколько выстрелов.

– Ложись! – скомандовал Саша. – Похоже, мы попали между Сциллой и Харибдой... А эти дамы, и Сцилла преподобная, и Харибда ужасная, оказывается, и стреляют сносно... Зара, милая, держись рядом со мной... Не нравится мне эта пальба...

Где-то совсем неподалеку раздался хриплый рев, Зара вздрогнула и прижалась к Саше всем телом.

– Что это, лев? – спросила она.

– Не думаю, – сказал Саша. – Похоже, что верблюдов...

– Здесь война? – еще спросила она. – Тимофей, если что, нас защитит? Он такой смелый...

Саша нахмурился:

– Если против тебя целое войско, то против него нужно другое войско. Один в поле не воин...

Опять раздалась беспорядочная пальба, крики. Присмотревшись, путешественники, наконец, заметили, что находятся возле небольшой балки, в конце которой угадывались – по оранжевым колеблющимся пятнам – многочисленные костры.

– Да тут на самом деле целое войско, – сказал Тимофей. – Похоже, что какой-то отряд окружен соперниками, но успешно отбивается ...

Тимофей вытащил свой ятаган, тускло сверкнула на отточенном лезвии редкая звездочка.

– Убью! – пообещал он невидимому врагу. И добавил:

– Всех убью!

Стрельба то затихала, то возобновлялась снова. Как смог понять и Саша, одни невидимые стрелки нападали, другие отстреливались. Причем нападавшие стреляли чаще, патронов не жалели, с противоположной стороны отвечали значительно реже. Громом ударил пушечный выстрел.

– Ого! – произнес Саша. – Единорог, кажется... Из фальконетов тоже щедро бьют. Здесь, я смотрю, подобралась серьезная публика!..

Пока не рассвело, нужно убраться с линии огня, продолжил он, иначе наши шансы остаться целыми и невредимыми очень невысоки...

Стараясь не шуметь, ведя Дождя и Орлика в поводу, путешественники отошли от места перестрелки на приличное, как им самим показалось, расстояние. Теперь стрельба была слышна как треск сучьев саксаула.

– Пока, кажется, мы в безопасности, – сказал Саша.

Саша, Тимофей и Зара еще осмотрелись. Наткнулись на развалины какого-то небольшого сооружения.

– Мазар, – сказал Тимофей. – Здесь похоронен какой-то святой... Не надо его беспокоить... Я слышал, старики говорили, что мазар душу успокаивает... Правда ли это, не знаю...

– Укроемся здесь, святой прости нас, – сказал Саша. И добавил:

– Вот мы и поклонились мазару, как в книге написано...

Стрельба немного поутихла. И внезапно пошел снег, он добавил унылому пейзажу степи белого цвета и осветлил окрестности. Скитальцам удалось рассмотреть, десятка два, а, пожалуй, и больше, странных телег (это были арбы), с водруженными на них сплетенными из камыша щитами. На некоторых арбах были щиты из веток, сучьев, краснотала. Саша понял:

– Так это бронетранспортеры девятнадцатого века, ими станут прикрываться нападающие, когда пойдут в атаку... Камыш против свинца...

– У нас тоже похожие делают, – сказал Тимофей. – Мантилетами называются...

И, вдруг Сашу озарило.

– А ведь я знаю, кто здесь сражается! Как же я не понял сразу, балда!

– Кто? – поинтересовалась Зара.

– Настоящие герои! Люди с железной волей! – сказал Саша. – Мы попали в самую гущу Иканского боя, где окруженная сотня уральских казаков три дня отбивалась от кокандских сарбазов – целой армии хана Муллы-Алимкула. Перевес в воинах был не просто велик, не просто подавляющ, он был ужасающ – сотня казаков под командованием есаула Серова, отклонив предложение о сдаче в плен с обещаниями щербета от пуза, лучших красавиц гарема, домов, садов и жирного плова, – все эти прельстительные и липкие, как от сахара, восточные прелести, и – приняли бой. Кокандцев было около двадцати тысяч, но они не смогли победить горсточку казаков... Большинство храбрецов погибло...

Саша, рассказывая о сражении, чрезвычайно разволновался. Зара принесла ему кизилового сока – успокойся, милый!

– В этой сотне находился и мой пра-прадедушка, – продолжил Саша, – он или погиб здесь, или умер через несколько лет в Гурьеве, после возвращения с

войны... У меня была небольшая фотография на коричневом картоне, на которой он был с фото пра-прадедушки, на ней стояла дата – апрель 1864 – за полгода с небольшим до Икана – куда-то она задевалась...

– Куда-то задевалась вся старина? – задумчиво сказал Тимофей. – Кругом новизна.

При этом он посмотрел на развалины мазара, для него, надо полагать, они не были древними. Что с него возьмешь, человек тринадцатого века!

Светало. Стрельба немного поутихла. Но время от времени ватаги воинов, прикрываясь мантилетами, пытались пробиться поближе к своим заклётым врагам, чтобы броситься на них, да и покончить дело. Но не тут-то было. Казаки метко снимали нападающих, но ясно было, что обороняющиеся вымотаны, и вряд ли далека развязка.

Саша сказал с отчаяньем в голосе:

– Ведь их на наших глазах убивают, а мы не можем им хоть чем-то помочь, не вызвав временного коллапса... Хотя время все равно остановлено...

– Правильно, никого вызывать не будем, – сказал Тимофей. Он странным образом отнесся к передвижению во времени, всему тому, что он увидел, скитаясь вместе с Сашей.

– Это отвод глаз, – говорил он неизменно, если ему попадалось что-то непонятное. – Отвод, чистый отвод глаз!.. Вот спадут пелены с глаз...

Он всерьез ждал, что обманные чары разрушатся уже очень скоро, приговаривал: «Бор у нас в Бузулуке знатный, вот доберемся – я вам все покажу, запрягу Дождя с Орликом – рыбалить поедем, я место одно знаю, так там карась берется – фунтовый, не сказать, что огромный, зато сам, почитай, на берег выпрыгивает... А сладкий он какой – за уши не оттащишь... Зара, а в ваших краях карась водится или только золотые рыбки? В Китае довелось видеть мне таких – чудо чудное. Да у нас, чать, не хуже... Но сначала баньку протопим, за все годы протопим, сдерем с кожи запах чужбины, а потом – на перину, сколько годков гнусь-сгибаюсь на куске вытертой от старости кошмы! Ну, ничего, отоспимся... Надышимся родиной...

Зара принимала как данность – и Сашу, и Тимофея, и все невероятные приключения, и путешествия во времени, – и вопросов не задавала, должно быть понимала: у каждого своя боль, и начини ее теперь вытаскивать на свет, то жить станет некогда, и наступит вселенская «угадайка»...

– Друзья, – начал Саша, и понял, что может не продолжать. Но все-таки даже не запнулся, – я должен найти пра-прадеда, я обязан! Хоть одним глазком увидеть его... Может, он нуждается в помощи? Он точно в беде!.. Я потом никогда себе не прощу, что не разыскал его.

– Не могу отговаривать, – сказал Тимофей, – но если с тобой что-то случится, то я не прощу себе... Трое – мы какая-никакая сила, обороним Зару, а поврозь у нас вообще даже надежды нет уцелеть...

Саша понимал, что Тимофей прав, не может он бросить Зару с Тимофеем, нельзя им разлучаться хоть на час, но ноги сами понесли его к балке, где засели казаки, метко бьющие из нарезных винтовок.

Саша крикнул, чтобы ждали его у мазара через час-другой... Если не вернется, то пусть уходят одни, двигаются на запад.

Тимофей успел спросить у него:

– Ты знаешь хоть как звать-величать твоего пра-прадеда?

– Помню! – отозвался Саша. –

У Зары задрожали губы, вот-вот и слезы хлынут из прекрасных глаз. Но Саша ушел, и плакать расхотелось, чего уж теперь проливать слезы, если Саша не увидит их?

Саша тенью проскользнул по подмерзшему снегу и покрался вдоль балки в сторону смутно видневшихся развалин крепости Тынашак, которая находилась на полпути до Азрета (Туркестана).

«Видимо не было у отряда времени закрепиться хотя бы в этой крепости, – подумал Саша. А положение у наших (он почему-то определил казаков в «наших», кокандцы же попали в «ихние») было просто отчаянное. Он понимал, что давно выветрились из памяти человеческой многие сражения, бывшие непримиримые враги тихо стоят, отлитые в бронзе, на одной улице; спят побежденные, и спят победители, и дети с таинственными глазами зубрят: «Скажи-ка, дядя...» Многие забыли Непрядву, Калку, Березину... – ну, подумаешь, речки невелички, но Саша помнил, и всегда видел своих и «ихних», потому, что знал: как бы много ни было своих, «ихние» тоже тут как тут. И помнил он об Иканском деле, хотя в учебнике по истории войн о сражении этом была всего одна строчка.

Саша напряг память: бой закончится 6 декабря, то есть, сегодня вечером, это он точно помнил, подмога успеет спасти оставшихся в живых казаков, вывести из-под огня раненых.

Уже совсем скоро есаул Серов примется вызывать Алимкула. на переговоры. В общем-то говорить им было нечего, но Василий Иродионович – такое запоминающееся отчество имел казак – рассчитывал, что удастся потянуть время, хоть часок, перед решительным и, скорее всего последним боем. Вот именно в это время, если переговоры состоятся, Саша может попытаться найти пра-прадеда.

На третий день боя плотность огня со стороны кокандцев усилилась. Сарбазы начали придвигать «мангилеты», пытаясь подобраться поближе к смельчакам и броситься в рукопашную. Но меткие стрелки в сотне держали ухо остро и пока удавалось справляться с беспорядочно атакующими кокандцами.

Но и казачья сотня несла потери. Саша видел, как падали казаки, но ни один из них даже не помышлял о сдаче. Были убиты все лошади, верблюды, их трупами казаки прикрывались от пуль. Таким образом, увидел Саша, конь спасает казака даже после своей смерти.

– Мы устроим вам карачун! – Саша расслышал, как приговаривал после каждого удачного выстрела один из стрелков, Саша, пригнувшись, стремглав перебежал из зарослей саксаула, в которых он прятался, к казакам. И тут же ему в грудь уперся винтовочный ствол.

– Торопишься, басурманин? – спросил стрелок.

– Я – христианин... православный..., – заторопился Саша. – Сегодня как раз праздник... Вот крестное знамение!

Саша истово перекрестился, и казак убрал винтовку. Но смотрел на него с бесконечным недоверием.

– Вода есть? – спросил казак. – Хоть глоток, трети сутки без етбы, без воды... Саша открыл сумку и достал оттуда банку кизилового сока. Саша сам открыл банку, протянул казаку.

– Чудна какая кружка! – одобрил тот

– Благодарю Николая Чудотворца, – сказал казак, присмотрелся еще к Саше и добавил, как приговорил:

– Да ты, никак из нашенских, поговору чую... Низовской штоли?.. Бударинский?.. Как ты здесь оказался?

Саша предпочел ответить вопросом на вопрос:

– Я – деда... дедыньку свою ищу, – не станешь ведь объяснять бойцу про оставившееся время, про мыслелет, и всю эту звездно-космическую бижутерию

А эту секунду из-за ближайшего «мантелета» выскочили диковинные создания. Два средневековых рыцаря. Облачены они были в рыцарские доспехи – латы, кольчуги и даже шлемы, похожие на большие пивные кружки, да не такие уж и большие, у одного был ржавый меч, другой на бегу целился из ружья. Казак вскинул винтовку, и один из рыцарей повалился на землю, другой не стал дожидаться пули – и сиганул куда-то в сторону.

– Напяливают на себя, кто что найдет, – объяснил казак. – Этому ржавью лет пятьсот, оно старше бабушки Гугнихи.

Грянул выстрел. «Фальконет» – определил казак, и добавил:

– Ты калган-то нагибай, пуля не милует. Хоть у тебя калган маненький, но сарбазы метко палят...

– Меня не должно убить, я – слово такое знаю, – сказал Саша, думая, что с одной стороны он не может погибнуть здесь, не вызвав очередной временной коллапс (ведь не может он быть застреленным до своего рождения), с другой стороны – никогда не знаешь какие штучки-дрючки может выкинуть остановленное время.

– Ты чей будешь? Как деда твоего зовут, – спросил казак и еще выстрелил, передернул затвор и к ногам Саши упала горячая гильза. Саша поднял ее и зачем-то сунул в карман.

– Моего деда зовут Филиппом..., – начал Саша, – а по батюшке его...

Он не договорил, потому, что совсем рядом просвистела пуля и срезала ветку саксаула. И выстрелы посыпались со всех сторон, на флангах ухнули два единорога.

– Тебя-то самого как зовут?

– Саша...

– Ляксандр, значит... Постой-ка, постой! – с новой силой разгорелись сомнения у казака. Он время от времени стрелял, перезаряжал винтовку, но находил время кричать Саше в самое ухо:

– Погодь! Тебе сколько годочков будет?

– Двадцать восемь, – не стал врать Саша. – А если честно – не знаю...

Он подумал о том времени, которое сжег, преодолевая безумные расстояния на скорости света и даже выше. И зачем он мотался по галактикам, что искал? Убедился ли в бесконечности вселенной? Доказал ли теорему жизни, и нужно ли ее доказывать?

– Вот я и грю... Оба наших Филиппа молодые... Каймашникову тридцать с гаком, у него самого губы еще не обсохли от молока, детишков малых полны сени, внуки у него годков через пятнадцать, коли Господь даст, пойдут... Второй Филипп, которого ты якобы ищешь, тоже не старик, да, я вспомнил, у него в избе одни девки, сыновей Бог пока не дал... Так кто ты? – Саша опять увидел, как в грудь ему уперся винтовочный ствол.

Саша было пустился в объяснения: «Трудно вам поверить мне, но так вышло, что я пришел сюда из времени, которое еще не наступило...»

Казак винтовку убрал, но сказал при этом:

– Ты Ляксандр ври, да край знай... Не упади... У нас в Каленовском тоже один чудик жил-проживал, никому не мешал... Правда, сам из басурманов, но приятной наружности, до крещения его Зайнушем звали, а вскорости нашли ему уралку, сосватали – все, как у людей. Отец Иов совершил над ним таинство крещения дали ему имя христианское... Жить бы им, да добра наживать, но татарин стал заговариваться: то балалает что с самим Тохтамышем кумыс пил, то как бы невзначай ляпнет, что видел, как Сарайчик горел... Кинулись его на чистую воду выводить, а об нем ни одной бумаги, ни одной записи нет... Откуда он взялся, ни одна душа не ведает. Вот, живет рядом человек, а мы ничего об нем не знаем... Так вот, прошло лет семь – десять, и стали люди замечать, что жена этого Зайнуша стареет просто на глазах... В чем дело? А дело в Зайнуше. Он каким был, таким и остался. А Нюрка по сравнению с ним просто старушка стала – бабы в станицах и форфосах быстро стареют... Да и казаки не молодеют.

– Так вот к чему это я? А к тому, что на свете все бывает, – продолжил Филипп, – Даже такое, чего быть не должно. И, пожалуй, того, которого не должно быть, становится больше... Я так разумею...

И тут у начала балки произошло какое-то движение. Это есаул, выйдя чуть вперед, знаками объяснял кокадцам, что предлагает Алимкулу встретиться, переговорить. Из гущи противников выдвинулся один, в добротной, европейского кроя, одежде, в руках держал ружье, и на чистейшем русском языке, без акцента, предложил Серову следовать за ним в кокандский лагерь, причем выяснилось, что самого Алимкула якобы нет. Все это походило на дешевую ловушку. Тем более, что опять двинулись «мантелеты».

– Ты ружье-то, братец, положи хотя бы на землю, ведь переговоры ведешь, – сказал есаул. И тот послушался, положил оружие на землю.

– Время тянет, – сказал казак Саше. – Сейчас, если что, на прорыв пойдем, а ты, так и быть, побалакай со своим дедушкой, который, вот незадача, младше тебя... Эх, брехуны!

– Эй, Филипп! – негромко позвал он. – Тут внучок твой пожаловал...

Через минуту перед Сашей оказался высокий чернобородый казак в одной рубахе, с винтовкой в руках.

– Эт что за явление? – не удержался он, увидев странного молодого человека с бритым лицом...

– Вот, из степи прибеж, бает – внук твой...

«Сейчас убьют, точно застрелят!», – мелькнуло в голове у Саши.

Казак пристально посмотрел на Сашу и сказал

– Балалашь, как балалава корова... Но где-то я этого казака бритого видел...

– Видел, видел! – передразнил Филиппа первый казак. Дак, у тебя с ним, почитай, одно лицо на двоих. Чисто единое обличье!..

Филипп изумленно отступил назад, и, может быть, вообще выскочил бы из-за бруствера, но кокандские пули не давали забыть, где они все находятся.

– Ты кто? – спросил он у Саши.

– Я твой далекий родственник..., – в который раз принялся объяснять Саша. – Совершенно случайно попал сюда... Дай, думаю, заверну, повидеюсь...

– Ты что ль зузановского корня? – спросил Филипп. – Или шарковские вы?.. Да, нет, Азовсковы... Точно, Азовсковы...

– Ну и время ты, кум, выбрал приветы передавать, – сказал он – Ну, что ж, давай обьемся, может, напоследок... Щас начнется!..

– Ты винтовку-то даржал хоть раз в руках? – спросил первый казак.

– Даржал, – Саша старался попадать хотя бы в тон цветистой казачьей речи

– Ты никак из ученых будешь? – продолжил расспрашивать Филипп. – Должен тогда знать Стахия Мизинова.

Саша напрягал память изо всех сил:

– Да, конечно, еще дочка у них раскрасавица – Лика...

– Когда успели? – изумился казак. – Надысь видел Стахия, дык он ничего не сказывал про это...

– Радуетя папаша...

Примечание автора. Лика Мизинова, подруга Антона Павловича Чехова, «чеховская чайка» на самом деле родилась в 1870 году, через четыре года после Иканского боя. Один из носителей этой знаменитой уральской фамилии – Павел Мизинов тоже был участником сражения, о котором идет речь, ему повезло, и он оказался в числе оставшихся в живых.

Два часа выиграл бесстрашный есаул Серов у кокандского воинства. О чем он говорил с целой армией противника, какие слова находил, – дословно неизвестно, но чести своей не уронил.

Потом выяснится, что именно эти переговоры спасли многие жизни. Все это время кокандцы не оставляли попыток все-таки сломить сопротивление горсточки храбрецов. Саша увидел, как трое кокандцев стали подкрадываться сзади к Василию Родионовичу (Ирадионовичу).

– Ваше благородие! Отходите! Скорее, скорее! Щас стрелять будем! – закричали казаки и тут же открыли огонь. Кокандцы ответили ураганной стрельбой.

...Саша попал в трудное положение, он вместе со всеми стрелял, правда, не целясь. Кокандское ружье оказалось тяжелым и неудобным, он еле управлялся с ним. Но беспокоило Сашу другое: чтобы не вызвать парадокса во времени, он не должен поразить ни одного сарбаза, как и они не должны попасть в Сашу. Если это, не дай Бог, случится, то последствия даже представить невозможно. «Надо уходить!» – подумал он. – И как можно скорее! Помочь я все равно ничем не смогу».

И словно в подтверждение его мыслей, на него выскочил кокандец с пистолетом в руках. Он тут же выстрелил, но и Саша успел нажать на курок. Два выстрела слились в один. Саша почувствовал удар, скорее несильный толчок, в грудь, и не устоял на ногах. Кокандец тоже повалился, как подкошенный. Но тут же он поднялся с выражением смертельного ужаса на смуглом лице: на груди, там, куда попала сашина пуля, зияла дыра с кулак величиной, и сквозь нее виден был ближайший мантелет. Кокандец заорал диким голосом и бросился прочь. Саша успел заметить, что дыра на груди у кокандца быстро затягивается. Он опустил глаза вниз: похожая рана на глазах пропадала и у него на груди.

К Саше подбежал Филипп:

– Станишник, тебя никак задело?

– Нет, – ответил он, и добавил не очень понятно:

– Господь хранит нас...И время...

Но казаки успели разглядеть его страшную рану, затянувшуюся за одну минуту. И это испугало больше, чем армия кокандцев.

Казаки принялись истово креститься, не обращая внимания на треск выстрелов.

– Николай – угодник, оборони нас! Господи, спаси нас и помилуй!.. Изыди, Сатана..., если ты Сатана...

– Филипп! – успел крикнуть на прощание Саша. – Ты останешься живой!.. Твой товарищ – тоже!..

Казак только махнул рукой: вдруг лазутчик, а они его отпустили?.. Расчувствовались... Ведь не вражина он, православный... Да и возится с ним некому. Пусть уходит туда, откуда пришел.

– Отпустить его что ли с миром? – спросил Филипп у первого казака. – Он вроде безвредный?

– Пусть идет! А мы об нем молчок. Как не было его...

И казаки вернулись в боевой порядок. И как раз вовремя. Есаул Серов принял решение прорываться к Туркестану, и казаки стали готовиться к отчаянной драке.

... Да, Саша нарушил основной закон путешественника во времени, и теперь могло произойти невероятное. Вплоть до того, что Саша мог просто исчезнуть. А с ним пресечется весь их род...

Но Саша не жалел, что увиделся с далеким предком...И хотя на космических курсах им сто раз повторяли, что ни в коем случае нельзя даже пытаться вступить в контакт с близкими родственниками, Саше были известны случаи, когда космонавты встречались даже с самими собой. Это грозило очередным временным коллапсом!.. Сколько их уже было, этих пузырей вечности, мозолей времени, ссадин пространства? На времени, должно быть, живого места нет, одни рубцы да синяки...

Но, наверное, ни один космонавт, путешественник во времени не мог удержаться, чтобы хотя бы одним глазком не взглянуть на себя через толщу лет, на родственников, которые еще не согнуты подагрой, еще не набили мозолей, сочиняя молодежную музыку, не разочарованы во всем, даже в водке. Может, поэтому время и остановилось?

Саша смотрел, как с новой силой продолжилось сражение. Казаки отступали к Туркестану. И когда они поднялись, люди Алимкула только и увидели, что им противостояла не дивизия, не тысяча, а всего одна сотня, теперь заметно поредевшая, бойцов при одном единороге.

Пушку заклепали, лишние винтовки сломали и двинулись налегке, и несмотря на декабрьский студёный ветер, большинство казаков были в одних рубашках, а кое-кто – в халатах с подкладкой – азиях.

Саша тоже приготовился пробираться назад, как вдруг увидел Филиппа. Тот бежал с пистолетом в руке.

Он кинул пистолет Саше:

– Держи, станичник! Пригодится! – сказал он. Откуда бы ты не пришел, и куда бы ты дальше не пошел, знай, что мы – одна кровь, я чувствую это...Прощай!..

И он исчез из глаз. А был ли он, или Саше все это привиделось?

Саша вернулся к изнемогающей от тревоги Заре и стоящему на бессменном карауле Тимофею.

– Сколько людей побито!.. – сказал Тимофей. – Жуть! А как эти каканцы поступают с убитыми казаками! Всем отрезают головы... Поэтому тяжелораненые сами подставляют головы под шашки товарищей:

– Руби, кум! Не дай надругаться вражине!.. Прощайте, товарищи!

– Не могу смотреть, не могу! – крикнул Тимофей и, обнажив свой устрашающий ятаган, бросился к ближайшему «мантелету», за которым укрывалось трое сарбазов.

Саша только посмотрел ему вслед: нет, не объяснишь человеку тринадцатого века в чем сущность парадокса времени. Пусть сам попробует.

Как буря, как неудержимый шквал налетел Тимофей на воинов, прячущихся за арбой, и в минуту все были повержены. Но каково же было удивление Тимофея, когда посеченные ятаганом сарбазы принялись один за одним подниматься и снова вступать в бой. Он снова их зарубил, – через минуту они опять встали.

Тимофей опустил меч; с нечистой силой он биться не может.

Кокандцы бросились на Тимофея, как борзые на волка. Но и они не могли причинить ему сколько-нибудь заметного вреда.

Ошарашенные бойцы смотрели друг на друга, на самих себя, – и ничего не понимали.

Саша вспомнил о беспилотных наручниках, достал хитроумный прибор, спросил, не надеясь на ответ:

– Нельзя ли повязать одной веревкой или по отдельности вот этих троих кокандских сарбазов, чтобы не убить их случайно?

– Конечно! – лаконично ответили наручники. – Мои основные функции не пострадали.

– Тогда самое время им отдохнуть.

Раздались три негромких щелчка, и трое кокандских воинов, оказались связанными по рукам и ногам проводами от мыслелета.

– Шайтан, шайтан! – запричитали они, но негромко, опасаясь, что невидимый враг принесет им еще больший урон. – О-о-о!!!

– Не вопите, солдаты! – крикнул им Саша, и те испугались еще больше: кто таковы, откуда взялись, неверные? Да еще с ними молодая женщина!

Вечерело. Было около четырех. В пять в этих краях уже темно..

Путешественников очень пугала перспектива остаться ночевать в декабрьской пустыне, среди тысяч кровожадных врагов.

И вдруг стрельба начала быстро смолкать, и в какой-то момент стихла совсем. И тут же возобновилась с новой силой. Ударили фальконеты, грохнул единорог. И сейчас же с недалекого пригорка покатилося «урраа!»

– Наши!!! – пронеслось по казачьей цепи. – Подпоручики Сукорко и Степанов пришли и с ними больше двухсот солдат, орудия!

Степь как будто ждала этого известия, и сразу в ней все двинулось назад. Даже «мантелеты», было, тронулись но в итоге арбы были оставлены. Кокандские воины потянулись в степь...В отступление...

День шестого декабря заканчивался...

– Когда я читал книжку про этот бой, то мне даже в голову не могло прийти, что почти все это я увижу своими глазами, – произнес Саша, и добавил: – Я помню, что наша книга предсказаний обещала нам еще какую-то встречу...

– Да, – подтвердила Зара, не совсем пришедшая в себя от всего пережитого в этот длинный день. – Пока книга ни разу не обманула нас...и почему бы ей не оставаться правдивой и дальше?

– Жалко, что она не может защитить нас от холода, – сказала девушка. – Костер мы развести можем?

Саксаул – драгоценность пустыни, степной антрацит – он не поддается ни пиле, ни топору – сломать его можно только руками, как будто он заранее знает, что у ски-тальцев часто одна надежда на руки. Он тонет в воде, как чугун, тепла от него в костре много, его раскаленные угли всю ночь поддерживают не просто тепло – жизнь.

Что белый саксаул, что черный – нередко единственная еда овцам и верблюдам, причем после объедания растение восстанавливается быстро, буквально от одной отары до другой. А как аппетитно шкворчит на саксауле баранина! Ни одна древесина в мире так не помогает приготовлению пищи, как саксаул.

Все это рассказывал Тимофей, собирая саксаул, разжигая костер:

– Уж скольких спас саксаул, и скольких еще спасет!

Но не успели бродяги насладиться теплом костра, как прохрустев по снежному насту добротными сапогами, в светлый круг, отбрасываемый пламенем, вошел человек, улыбнулся и сказал на чистейшем галактическом русском языке:

– Здравсте, товарищи! Я только что провел пару лет в компании с бродячими торговцами, отважными людьми, которые не боятся в наши жуткие времена возить свой товар с одного конца света на другой; на войне звон стали и звон золота иногда трудно различить... Так вот, эти смельчаки называют себя товарищами от древнего слова «товар»; не обессудьте, если и я какое-то время буду называть вас товарищами...

Скитальцы опешили от лингвистического напора незнакомца. Тимофей спросил:

– А ты кто таков? Почему не боишься подходить к незнакомым людям? А как смахнут тебе голову?

– Не смахнут раньше времени, – беспечно ответил незнакомец. – А зовут меня Зайнушем...

Вот, значит, кого напорочила книга предсказаний и пророчеств.

– Я отстал от своих товарищей еще пару дней назад, ночевал в степи на кошме, и заметил вас утром, – продолжал Зайнуш, – и не вы меня, а я хочу спросить вас: откуда вы взялись? Потому, что вечером вас не было... А ночью по пустыням не ходят... Стараются не ходить... Я пришел вслед за войском Алимкула, пристав к одной из торговых ватаг, всегда следующих за войной; готов поклясться, что вы умеете летать, как птицы, да еще незаметно... Так откуда вы взялись? Возникли из ничего?..

– Любопытной Варваре..., – угрожающе сказал Тимофей, но Саша остановил его.

– Каждый летает, как умеет, – сказал он. – Но сейчас, насколько я понимаю, вам требуется тепло нашего костра? Или я ошибаюсь, и вы, проходя мимо, просто решили поdiskутировать о различных средствах передвижения?

– Не ошибаетесь, – быстро сказал Зайнуш и придвинулся к костру. Немного подумал и спросил:

– Ежели вы завтра решите идти на заход солнца, я хотел бы присоединиться к вашей ватаге. Если, конечно, вы все не будете возражать. О себе: бывал и в Риме, и в Лиме, недурно фехтую, стреляю из лука, очень быстро бегаю. Наверняка пригожусь... Берете меня?..

– Среди ваших добродетелей мы не услышали основную – умение держать язык за зубами, – сказал Саша, заметивший жадный взгляд Зайнуша на Зару.

– Как раз этим умением я славен в тех местах, где меня знают, – ответил Зайнуш, расстилая у костра свою кошму, скорее, коврик. – Так я остаюсь?

– Да, скорее всего мы двинемся на заход, – ответил Саша, – так что, оставайтесь...

Он решил, что попутчик, судя по всему, человек не робкого десятка, разворотливый, быстрый, им не помешает в этой степи.

– Справляться с лошадьми приходилось? – спросил у него Саша, радуясь, что уцелели в этой иканской перестрелке и Дождь, и Орлик.

– Я родился на коне! – с гордостью ответил Зайнуш. – Я сидел в седле, когда всех вас еще не было на свете!

– Ты хвастай, да знай меру, – сказал Тимофей. – Я постарше тебя буду, у меня сыновья, чать, вровень тебе...

И в ту же самую секунду сгустившуюся ночную мглу распорола сиреневая вспышка, раздался хлопок, что-то зашипело и грянула оглушающая музыка. Да, не просто музыка – какая-нибудь животворная композиция Гленна Миллера или осеннее состояние души Роджера Уотерса, или на худой конец что-нибудь из позднего Фредерика Шопена, – а исполнялся какой-то торжественный марш – литавры, геликоны, буханье барабана, деревянная душа флейты пикколо, – да и не марш, а подлинный гимн, в нем слышались хорошо дающиеся начальству всех мастей прилагательные «великий», «порфиноносный», «простой и человечный» и скороговоркой – «народ, благо народа, с думой о народе».

Когда славословия гимна сгустились, как вчерашний кисель, с неба спустилась золотая колесница, во всяком случае, позолоченная, уж не меньше, чем выкрашенная густой «серебрянкой». Путешественники смотрели во все глаза за разворачивающейся диковинной картиной.

А смотреть было на что. В колеснице стоял, подбоченившись, человек в короне, кажется, сделанной из большой пивной банки, но не из самой большой. Он воздел руки к небесам, куда же еще обращаться людям коронованным?

Гимн смолк, и густой женский бас объявил:

– Король Западного Ринга, повелитель дальних Ристалищ, Великий диктатор Вечерних полей и утренних болот, император Перламутрий Первый.

Перламутрий Первый тяжело спустился с колесницы, придавленный своим величием, и проревел в мегафон:

– Саша! Саша! Александр! Это я через тридцать лет после нашей встречи. Перенеслись на мыслелете. Перенеслись к тебе на помощь!!! Не бойтесь! Понятно?..

– Да чего тут понимать? – сказал Саша Заре и Зайнушу, а Тимофей, как всегда бросился с ятаганом к колеснице на всякий случай, но узнал в короле с короной изобретателя ракет, удивился переменам, произошедшим в его облике за один день – с тех пор, как они расстались, и бросился к Перламутру – обнимать короля какого-то Западного Ринга.

Из-за низких туч спустились еще несколько колесниц, выкрашенных экономичной зеленой краской подъездов и казарм. В колесницах сидело довольно много людей – мужчин и женщин, облаченных в подобие форменной одежды – с шевронами и звездами, очевидно, знаками различия. Шевроны и звезды тоже

подозрительно были похожи, на вырезанные из пивных банок, но мужчины и женщины очень ими гордились, время от времени поглядывали на регалии, преисполняясь гордостью.

Перламутр в окружении свиты, наверное, это была свита, а что еще за люди такие? – подошел к Саше, раскрыл объятия, произнес торжественно:

– Долго тянулись годы безвременья, мир наш угасал, и едва не пропал в бесконечном черном пространстве остановившегося или остановленного времени...

Саша осмелился перебить Великого Диктатора:

– Главное скажите, не томите, как удалось восстановить мыслелет?

– Мужайтесь! – произнес он, и хор подхватил:

– Вам мужество понадобится, други!..

–Что? – вскинулся Саша. – Что случилось?..

Оркестр и хор во всю силу ответили:

– Путешествия во времени – абсурд, поэтому запрещено оно стро-жай-ше!

Оркестр зашелся в проигрыше, да таком громком, что произнести хоть слово было невозможно. Саша вспомнил о пистолете, который дал ему Филипп. Он быстро прицелился и выстрелил, и пуля попала в барабан, и тот взорвался с пушечным грохотом.

– Что тут происходит, объяснит мне кто-нибудь? – сумел вставить словечко отважный космонавт. – Что это за карнавал такой?

– Я и объясню, – сказал Перламутр, и поднял руку. И тотчас над степью повисла тишина.

– Всем готовиться к переходу! – отдал приказ Перламутр, и все вокруг пришло в движение, всяк куда-то спешил, что-то делал, за что-то отвечал, и никто не имел возможности прислушиваться к тому, что рассказывал Великий Диктатор вечерних полей и утренних болот.

Рассказ его показался Саше, да и нашим скитальцам, занимательным... Наверняка он заинтересовал бы и Дашу, Табова, и Борис Иванович оставил бы его в глубинах своей бездонной памяти, но они были далеко отсюда. Очень далеко.

Глава тринадцатая: ВРАГИ.

– Какое все-таки замечательное изобретение – автомобиль! – сказала Даша. – Машину не нужно ни кормить, ни поить, не привязывать у ворот, не седлать-расседлывать...

Малика с ней весело согласилась, закивала головой:

– Согласна!.. Но лошади тоже неплохо... Лошади живые...Мы к дедушке Зайнушу, когда он приезжал в Дарьинск, всегда ездили на лошадях. Сначала по Главной улице, потом наискосок через площадь, потом под деревянную арку, и дальше мимо здания музея знаменитого писателя, который наезжал когда-то сюда, сидел с удочками то на берегу песчаного озера, то на Урале; неизвестно, попадалось ли ему хоть что-то на червя или мормыша, но роман так и остался недописанным. Жалко...Кто читал – говорили, что книга эта – про войну...

– Куда ехать, прямо или сразу в переулочек? – спросил Борис Иванович.

– Вообще-то, – сказала Малика, – нам во-о-о-н к тому дому под красной черепицей, с высокой голубятней, сразу за аркой, но, наверное, машина туда не пройдет?

Борис Иванович вставил ключ в замок зажигания, и мотор мощно и мягко заработал. Борис Иванович очень любил различные механизмы и приспособления, как, впрочем, все, прилетевшие со звезд. Должно быть, им близка была выверенность всех функций, они не ждали, что мясорубка примется за вязание, пылесос начнет пилить дрова, а швейная машинка пустится в пляс. И наоборот их раздражала непредсказуемость всего живого; никогда не знаешь, пройдет бродячая собака, даже не посмотрев в твою сторону, или вцепится тебе в ляжку. Конечно, можно создавать математические модели всего на свете, вычислить полет шмеля за вечность перед пробуждением, высчитать судьбу желудя, сорвавшегося с дубовой ветки: поднимется он стометровым хозяином леса или доберется до него молодой кабан, но в механизмах уже все подсчитано, и когда включаешь мотор машины, то в ней начинаются те процессы, которые она призвана совершать. Должно быть, в инопланетянах все еще живет память о Великой Межгалактической Революции Машин, которая сотрясала вселенную миллиард лет назад. Не многие сегодня знают, что в результате чудовищных экспериментов были созданы микст-организмы: человек-экскаватор, человек-кинопередвижка, мыслящий керогаз; тогда человечество, гуманоиды едва не исчезли в обозримой вселенной; а что происходит в необозримой – никто не знает (это между нами).

Примечание автора. На самом деле, даже самое примитивное приспособление ненавидит человека. Вспомните, сколько раз вы попадали молотком по своим пальцам, сколько раз отвертка отказывалась выкручивать шуруп, сколько раз заедал замок сапога, а сколько раз пригорала яичница?..

Многие куэнзимы имеют дополнительные встроенные функции. Это роднит их с машинами, и они могут часами, как человек на огонь костра, смотреть на какую-нибудь спрыцовку, или мышеловку, или находить музыку в щелканье клавиш пишущей машинки.

– Эта машина пройдет всюду, – улыбнулся Борис Иванович двум красавицам в машине. (Малика безусловно была первой красавицей Дарьинска, и за ней одно время ухлестывал начальник налоговой полиции, и даже предлагал выйти за него замуж (ну, подумаешь на двадцать восемь лет старше невесты), но Малика тогда не вполне была готова к замужеству и отказала начальнику. Про Дашу мы уже знаем, что ее красота способна свести с ума даже холодного ненавистника человечества).

– Едем, наконец? – потерял терпение Табов, и машина покатила по дороге, указанной Маликой.

Табов гадал:

«Как могут быть связаны между собой таинственный Зайнуш с космонавтом Сашей? Да и тот ли это Зайнуш, о котором упомянуто в табличке из зиккурата? Не может ведь он жить всегда, что он – вечный татарин?»

Он опасался, что приключение с поездкой на автомобиле может превратиться в бесконечный поход. Искать в райцентре человека много лет назад улетевшего к звездам, по меньшей мере, легкомысленно, но мотор пел, из-под колес летела галька и как из пулемета косила придорожную траву.

– Хочу такую машину! – закричала Малика.

– И я хочу! – подхватила Даша, но тут же автомобиль встал, как вкопанный. Табов и девушки едва не вылетели из кожаного салона.

Борис Иванович вышел из машины, открыл капот и принялся что-то откручивать, или что-то наоборот прикручивать, и сразу стал похож на счетовода, а почему именно на счетовода – Табов не знал.

Борис Иванович с полчаса похлопотал у мотора, и мотор завелся. Он победно (не мотор, конечно) осмотрелся: замечена ли его победа над мотором? Во всяком случае, Даша смотрела на него едва ли не с восхищением. Ну, где нынче найдешь молодого человека, чтобы не пил, не сквернословил, был на все руки мастер? И такой привлекательный, просто обаяшка.

Борис Иванович тронул автомобиль с места, но проехав не больше пары метров машина остановилась. Куэнзим опять открыл капот, на этот раз вместе с ним засунул голову под капот и Табов. Они долго совещались, применяя неизвестные Даше и Малике слова: «жиклер», «клиренс», «трубонаддув», «плунжер», в итоге было объявлено, что потребуется часа полтора на замену какой-то скоропортящейся части; ничего страшного, небольшой заводской брак. Сейчас мужчины, засучив рукава, возьмутся за устранение брака, а девушки могут скоротать время в ближайшем магазине, тем более, что обед в полевых условиях приобретал постепенно статус остронеобходимого.

– Да тут пять минут пешком идти до дедушкина дома! – сказала Малика. – Если хотите, я сбегаяю, узнаю, есть ли кто-нибудь?..

– Мы должны к официальному присутствию прибыть солидно, презентабельно и конечно на автомобиле, – сказал Борис Иванович.

Табов в это время, лежа под машиной, пытался справиться с какой-то гайкой, потом попалась ему неподатливая контрагайка, в общем, полтора часа пролетели незаметно, а вылезать из-под машины пока не было повода.

Пассажирки сидели в уютном салоне автомобиля, беседовали погоде и достопримечательностях.

– Еще часок придется потерпеть, – крикнул из-под машины Табов.

– Потерпим! – лаконично отозвалась Малика, и ремонтные работы продолжились до сумерек. Тогда выяснилось, что машину нужно отбуксировать в ближайший гараж и тамошние умельцы в пять минут справятся с негодной запчастью.

Путешественницы успели сойтись на том, что мини непрактично и требует идеальной фигуры, а ураганы, к огромному сожалению, становятся обыденностью наших дней, – как раз к этому времени мужчины раздобыли где-то пароконную телегу. Возница по счастью оказался философом и с ним нетрудно было договориться (в наших краях не счесть поэтов, философов – на каждой улочке по гению), – философы всегда в поисках благодатной аудитории; желание вывалить на ближнего, притом немедленно, свои теории, жизненные установки и просто желание поговорить, сжигает их изнутри; от них бегут, их опасаются, потому, что они умеют заговорить человека до смерти; они же стараются быть поближе к людным местам, устраиваются на работу водителями автобусов на дальних рейсах, экскурсоводами в провинциальных музеях или на тихую службу – на гужевого транспорт. Сколько всего можно поведать какой-нибудь бедной вдове о неизбежной феминизации общества, пока отвозишь в починку ее старый комод!

Возница, которого нашли наши герои, отрекомендовался:

– Лев Николаевич, фирма «Логос»...

И, смущаясь, протянул визитные карточки, на которых, кроме имени и фамилии, значилось: «нар. Доктор философии, почетный профессор университета имени художника Борисова – Мусатова, Виктора Эпильдифоровича».

– Все понятно, – сказал Табов Льву Николаевичу, – кроме вот этих трех буквочек – «нар»?

– Нар. – значит «народный», – потупившись, сказал возница.

Но больше этого, его смущение никак себя не показало – ни когда договаривались о цене, ни когда он принялся командовать всеми манипуляциями по буксировке автомобиля в гараж.

– Чем вы думали, отправляясь в дальнюю дорогу, не имея даже «запаски»? – спросил он первым делом у Табова. Почему-то он решил, что старший среди приехавших, именно Табов, – и обращался почти исключительно к нему. Иногда – к девушкам.

– Вас должно быть удивляет, что в наших краях до сих пор не отказались от гужевого транспорта? – завел он пробную бодягу. Никто не отреагировал, даже девушки, не сумевшие еще до конца отключиться от проблем «мини».

– В таких местах, как наши, – принялся он за дело, – человек должен с рождения иметь философскую установку на жизнь, этакий морфологический корень...

– Какой, какой корень? – спросил Борис Иванович, которому по долгу своей человеконенавистнической службы приходилось нередко иметь дело с крупными философами текущих веков.

Философ смешался, но продолжил неожиданно бойко:

– Не именами мы живем, а глубинным смыслом изреченного... «Морфология», «зоология», «супрематизм» – всего лишь слова, и в разных уголках вселенной обозначают разное... Скажем, в галактике Изюм, «супрематизм» – бранное слово, за него изюмцы, вообще-то тихий и покладистый народ, легко могут надавать по фейсу. Не обращайте внимания на этикетки и клички, и даже титулы. Вот я, к примеру, природный герцог, наша ветвь затейливого генеалогического древа восходит к первым Ришелье, но и это не сделало меня заносчивым, недоступным или просто занудливым человеком...

– Послушайте, не мешают ли эти глубочайшие соображения основному роду вашей деятельности? – спросил Саша, не на шутку обеспокоенный замедлением спасательных буксировочных работ. Уже давно догорела заря, а чудо автомобильной техники так и не оживало – и, оставаясь в двух десятках шагов от резного крыльца над филигранью которого, по словам Малики, не один год колдовал дедушка Гумар, путешественники с упорством достойным лучшего применения, бились над восстановлением машины, а машина, время от времени, фырчала мотором, отстреливалась от привязавшихся ремонтников глушителем с никелированной трубой, и чуть не каждую минуту в ней что-то ломалось, рассыпалось, перегорало, в результате она рухнула с колес, как подкошенная (хорошо, что мужчины к этому времени выбрались из-под своенравного автомобиля) – так валяются в ноги хмурому палачу, перебирающему свой затейливый инвентарь. И не себе самим, ни любопытным прохожим, раскрывавшим рот на небывалое в этих краях зрелище – саморазрушение новенького автомобиля –

они не взялись бы объяснить, почему они не идут к дому с резным крылечком, а обязательно хотят подъехать к нему на машине! Мистика какая-то, отвод глаз, именуемый еще обманом зрения!

И только один – сгинь, нечистая сила! – участник происходящего мог бы попытаться объяснить, что давно разработано в Темных мирах страшное оружие – техногенные заклинания, которые любую технику превращают в труху.

Но он, злодей, конечно, не уведомил, ликовал в душе, что удалось еще хоть не надолго запутать Дашу, задержать еще на пару лет, пяток недель, пару часов встречу влюбленных. А как раз из этих «не надолго», из этих «на полчаса», «через пару минут вернусь» вырастают самые страшные, самые злые разлуки, которые засчитываются, как на войне – день за три, даже день – за три с половиной дня...

А разве Даша не заметила, что Борис Иванович время от времени как будто напевал что-то, выговаривал непонятные слова, паясничал, но разве мы придаем значение таким мелочам? Идет человек – и поет, сидит в подземном переходе – и тоже мурлычет – а нам и в голову не приходит хотя бы приглядеться к нему, запомнить тех, кто рядом с ним стоят в переходе – эти данные всегда могут понадобиться. Но, нет, мы беспечны, как младенцы – вот мы, берите нас голыми руками!.. А были бы бдительны, так могли бы нахватать куэнзимов, как грибов-груздей в сентябре, и томить их в темницах, чтоб неповадно было.

А разве Табов не обратил внимание на задумчивость и рассеянность которые временами наваливались на нового знакомца, какую-то особенную, как будто он ведет разговор с кем-то невидимым. Знали бы они, что он регулярно докладывал врагу человеческому о каждом шаге каждого из путешественников. (Но для чего ему нужны все эти шаги? Может все-таки он допускал, что картина мира искажена, что все вокруг совсем не так, как ему в старом колодце кажется, что аппарат нагнетает, чиновники пишут отчеты – страшилки, и реальность уже не отличить от вымысла. Он понимал, что эта самая ускользающая реальность состоит из тысяч отдельных мазков – и не брезговал самой малой деталью. Он требовал доклада и о порвавшемся шнурке, если такой порвется, и о запоре, если таковой приключится.)

Временами Борис Иванович как будто отключался и тогда хоть что у него спроси, в ответ услышишь неизменное «Ага!..» При этом красавец-куэнзим умудрялся всех слышать, участвовать в ремонте, из-под машины жадно тарачиться на ноги девушек.

Все видели, все кое-что замечали, но не придавали значения – парень-то такой красивый, ну и что если он ковыряется в носу, может у него там секретный прибор вмонтирован (как в воду глядели, в носу куэнзима вживлены видео, система ориентации через спутники, мощный радиопередатчик, даже маникюрные щипчики).

Наконец, все очнулись.

– Что ты там бормочешь под руку? – спросил у куэнзима Табов, и прогнал того из-под машины. И сразу все стало ладиться с ремонтом, и все гайки подошли, и все винты оказались на месте – и через десять минут сдержанно зарычал мощный двигатель, пассажиры могли занимать свои места. Философ-возница только развел руками, сорвалась с его крючка крупная рыба. Но хоть поговорил немного, душу отвел с непростыми, как он сам, людьми.

И тут в голову к Табову пришла довольно странная идея, откуда взялась, откуда появилась – неважно, а важно, что появилась. Он сказал тогда: «Сдается мне, что ни на каком современном транспорте нам не добраться до этого дома... Не знаю, как это объяснить, но, должно быть, само время законсервировано здесь, прошлое как бы оберегает себя от настоящего... Если это так, а судя по всему, в этом не стоит сомневаться, эта лакированная машина еще не существует для этого дома. Попробуем перегрузиться в эту телегу, и посмотрим что получится?»

Философ понял, что не все еще потеряно, стал церемонно приглашать пассажиров:

– Пжалте, пжалте, не торопитесь, места хватит всем... Едем в прошлое? Тогда вам выходить на следующей остановке...

Табов внимательно взглянул на него: странные в этих краях даже кучера...

Телега легко покатила по улице, двум крепким конькам – каурому и чалому наверное самим надоело без дела, – они в минуту довели путешественников до резного крыльца.

Возница накинул на плечи брезентовый плащ неопределенного буро-зелено-желто-серого цвета.

– Я подожду вас, ребята, прямо у крыльца, ведь обратно возвращаться будете?, – сказал он. – За это еще сотенку накиньте, пжалст... Вы же убедились, что у нас без гужевого транспорта никуда... А что хотите, девятнадцатый век на дворе...

Табов окинул его еще одним долгим взглядом, откуда он взялся, этот словоохотливый малый, бородатый, как Улисс на Итаке, знающий все ответы на все вопросы, знающий даже вопросы, которые повисли у вас на языке? Поговорить бы с ним, потолковать на ночь глядя, но пора уже было узнать, кто все-таки в доме-тереме живет.

Табов резко постучал в узорчатую дверь, а Малика закричала:

– Бабушка – дедушка – это я, у нас гости... открывайте!..

В ответ залаяла собака, почему-то всполошились в курятнике куры, принялись кричать гуси.

– Сейчас-сейчас! – отозвалась, должно быть, бабушка. – Там не заперто... только на щеколду прикрыто...

Дверь распахнулась и путешественники увидели девушку в самом разгаре девичьей красоты. Высока, статна, черноброва, на ногах мягкие сапожки – ичиги. Поклонилась:

– Фатима...

Поправила себя:

– Бабушка Фатима!..

– Заходите, гости дорогие, вот лавки – рассаживайтесь, -- сказала она, – отдохайте, а мы с Маликой самовар поставим. Чайку выпьете, расскажите, если к слову придется, с чем пожаловали.

– Мир этому дому! – посоревновался в витиеватости с ней Табов. – Пусть всегда тепло и солнечно будет под его крышей!

Даша блеснула знанием татарского:

– Якши!

Борис Иванович с любопытством осматривал просторную комнату, в которой они оказались (собственно, это был весь дом, не разделенный на комнаты)

Вдоль стен стояли широкие деревянные лавки, изукрашенные резьбой, ближе к окнам с левой стороны стоял большой стол, за ним у стены – невысокий, идеально круглый стол – достархан. Путешественники заметили, что в комнате не было ни одного лишнего предмета, ни одной безделушки, которыми забиты современные дома.

Малика объяснила:

– Мы иногда чай пьем на казахский манер, очень удобно... Можно лежать облокачиваясь на подушки или корпе...

– Да, в свое время номады много чего придумали, – подтвердил Борис Иванович. Оказалось, что он некогда увлекался пассионарными теориями, читал Льва Гумилева, пытался даже оппонировать ему, в частности, он имел представления об истории Хазарии, отличные от гумилевских, но не получилось, текучка заела.

Табов изумился:

– Странные все люди попадают, подумать только: электрики, выступающие оппонентами у академиков, философствующие возницы...

– Разве вам кто-то мешает совершенствоваться? – ехидно поинтересовался куэнзим, но на всякий случай отсел от Табова подальше. Кто знает, что приходит землянам время от времени в их упрямые головы?

Конечно, внешняя защита была сверхнадежна, но против землян она давала сбои, довольно часто.

Табов не ответил, пусть болтает этот красавчик, придет время – придет и расчет. Он почему-то ни минуты не сомневался, что Борис Иванович все свои пакости еще не успел продемонстрировать. Так что, думал он, по мордасам тот рано или поздно получит. От этой мысли настроение его значительно улучшилось. Он принялся рассматривать невысокую печь с вмазанным в нее котлом; ни плиточки кафеля, каких-либо изразцов не было использовано при возведении этой печи. Показалось что домом этим управляли строгость, простота и чистота, да так это и было. Деревянная некрашенная крышка стола,

судя по всему, была скоблена ножами, да так, что в доме легко угадывался запах свежепиленной древесины.

Дверь распахнулась и в дом вошел молодой человек, его улыбка сияла радушием. Он сказал:

Рекомендуюсь, дедушка Гумар...

– Долгожданные гости пожаловали! – радостно воскликнул он. – Мы все глаза проглядели вас ожидаючи!

Он не стал притворяться, что не знает кто и зачем приехал в его дом.

Путешественники переглянулись: их, оказывается, ждут, а они думали, что двигаются за вольным ветром. «Вольный» ветер уже давно перенесен на карты, записи о нем сделаны в судовых журналах, участники похода – все как один – представлены к почетному знаку «Готов к труду и обороне». Ну, надо же, они мучились (куэнзиму хоть бы что!) почти очевидной бесцельностью своей поездки, сто раз вчитывались в текст из таблички, найденной в развалинах зиккурата, понимая, что не пускаются в дальнюю дорогу по столь малому поводу, но они уехали – по сути, куда глаза глядят – потому, что им хотелось уехать. А кому не хочется? Закинуть за плечи потрепанный рюкзачок, сунуть в карман ломоть ситного, посыпанный солью, – и без записок, расставаний и жидких слез от-

правиться куда-нибудь подальше – хоть в Урюпинск, хоть в Бузулук или, может быть, в чудесный городок на Гудзоне – и прослыть там первым или последним модернистом, пишущим железистыми чернилами – для прочности стиля.

Но что-то нас удерживает, что?

Даже Борису Ивановичу передалось это настроение. . Он сам не мог понять, что с ним происходит: вдруг, ему захотелось посидеть у костра на берегу речки – и чтоб гитара звенела, и чтобы мерцали таинственно сквозь пламя костра глаза женщины, и ты сходил бы с ума оттого, что она не тебе протянула кружку с горячей русской водкой... И чтобы рыба плескалась у самого берега, и где-то далеко в лесу медведь сердился на яркие звезды, не дающие уснуть... И чтобы не вспоминать бесконечно то, что прошло или вот-вот и пройдет, а различать дни завтрашние – и неистово надеяться, что они позволят всему свершиться, что должно свершиться.

Уехали они почти случайно, а, оказывается, их здесь ждут, встречают, как дорогих гостей... Но ведь они могли поехать другой дорогой?

Между тем, бабушка Фатима накрывала на стол.

– Сегодня буду угощать вас пирогом, который у нас называется губадия, – сказала она. – Я как знала, что вы приедете, решила приготовить для вас, конечно же, чак-чак, чельпек, кош теле... Дедушка, принес бы шербету...

Табов сказал Даше:

– К этому нельзя привыкнуть, этой бабушке никак не больше двадцати лет, а дедушка уж верно в сыновья мне годится...

«Поразительно, – думал Табов, – судьба, кажется, готова показать нам, что она у нас одна на всех. Вообще, на всех...»

Наконец, уселась, и бабушка Фатима стала разливать чай в небольшие пиалы. А дедушка Гумар поддерживал разговор.

– Что слышно в степи, угомонились ли кокандцы, правда ли говорят, что изобрели машину, стреляющую винтовочными пулями – и называется машина – пулемет?..

«Они что, на самом деле живут в девятнадцатом веке? – недоуменно думал Табов. – Похоже на это... Здесь как бы капкан для времени...холодильник, который битком набит прошедшими и еще не бывшими столетиями...»

Он, как мог, объяснял самому себе, что время, если оно есть, неоднородно, не случайно ведь говорят, что вот, например, шестидесятые годы были легкими, воздушными, и пролетели незаметно, а девяностые тянулись бесконечно, все ждали миллениума, и едва дождались. Но почему времена ронзятся? Климат что-ли в этом виноват? Или люди, как обычно?

Чай у Фатимы был необыкновенный – от его аромата чуть-чуть кружилась голова.

– Чая в степи еще мало, – объяснил дедушка Гумар. – Этот привез дедушка Зайнуш из Китая.

– Китай – такая большая страна, – добавила бабушка Фатима.

Разговор немедленно стал серьезным, дальше некуда. Мужчины тут же погрузились в политический диспут: о трагедии двадцать пятого года, о подвиге народном и бесчестье властей, обо всем на свете, начиная с Фермопил, причем если Табов имел в виду трагическую и таинственную кончину государя, то дедушка Гумар говорил о недороде прошлого года – ни пшеница, ни рожь не удались, да и вправду сказать – нынешним летом ни одного приличного дождя Всевышний Аллах не послал.

Малика негромко рассказывала Табову:

– Теперь, когда прошли века, нельзя утверждать, что обретенное (не будем говорить «бессмертие», а применим термин «долголетие») состояние – это прямое следствие проклятия беременной девки – Груньки. Но и обратного мы утверждать не можем. Дети и внуки, и вся родные дедушки Зайнуша живут по двести – триста лет, но все-таки умирают. Лишь Зайнуш сбился со счета – семь или девять столетий, или вся тысяча миновали с той ночи, когда он дал деру из казачьего форпоста, и когда вызволял из плена брюхатую девку...

И вот странное дело, в жилищах зайнушевой родни присутствовало как бы несколько времен, но это нисколько не беспокоило обитателей этих домов. Скажем, Малика по утрам уходила на занятия в институт, а дедушка Гумар отправлялся в Коммерческий клуб, где служил добросовестно больше полувека.

Их с прадедом разделяло чуть не двести лет, и они никогда не пересекались в городе, на улице – , только у себя в доме, и это их нисколько не смущало. Гумар, выходя на улицу, не видел машин, не слышал радио, горланящее в центре Дарьинска на столбе – о растущих беспрерывно надоях молока, о выборах каких-то депутатов, военных учениях, которые все время проводят милитаристы... Ничего не менялось в мирах бабушки Фатимы, дедушки Гумара и еще доброй дюжины пра, пра-пра, пра-пра-пра, кроме того, что должно случиться на их веку. Гумар увлекся дагерротипией, но фотографии он не знал, хотя Малика не раз приносила фотоаппарат домой, кроме того, фотоаппарат был вмонтирован и в ее мобильный телефон. Он никак не отреагировал на эти устройства. Жизнь многочисленного потомства Зайнуша словно догорала, остановленная на стоп-кадре. Зайнуш ничем не мог помочь им, он сам иногда думал о том, что не слишком ли суровое наказание выбрала для него Грунька? Конечно, он боялся смерти, но не меньше опасался не справиться с жизнью. Тело оставалось молодым, а душа дряхлая... Почему тогда он не заставил Груньку снять с него это проклятие? Он поначалу даже обрадовался, когда убедился, что проклятие действует. Захотелось пожить, не спеша? С гарантией? Не как все, балансирующие на лезвии отточенной казачьей шашки... Пусть другие торопятся, благодарят Бога за каждый прожитый день, цепляются за секунды, минуты, часы, чтобы успеть построить дом для детей, написать главную свою книжку, хотя бы страничку, хотя бы свою строчку, полюбить самую расчудесную женщину, а он будет вставать в одиннадцать, тянуться за бадьей с квасом и спрашивать лениво:

– На покос-то уехали? Меня не дождались...

Бабушка Фатима прервала политический диспут, напустившись на Гумара:

– Люди издалека приехали не для того, чтобы про девятого по счету короля Непала Махендру слушать, хоть тот и достоин, конечно, долгой памяти.

– Знаю, знаю, что вы пра-пра... – легко со счета сбиться – ...деда моего ищите, и вы близки к цели, – приступил Гумар к рассказу. Время от времени его сменяла Малика, так что, получился рассказ в лицах.

– Так, где он, где письмо, где золотая пайцца? – не выдержала Даша. – Вы же знаете, что я – жена сашина...

Она так разволновалась, что даже заплакала. Заплачешь тут, если муж больше ста лет болтается в дальнем космосе, и письма, да что там письма, – записочки на клочках пергамента присылает тоже раз в сто лет, даже реже. Все спасает вселенную, аж, зло берет! А с другой стороны, кто, если не он?..

Бабушка Фатима бросилась вытирать Даше слезы. Дедушка Гумар продолжил рассказ: «Дедушка Зайнуш детство свое почти не помнит... Без малого тысячу лет назад это было, не мудрено и забыть. Одно время состоял он при хане Тохтамыше (это ближе к концу четырнадцатого века было), навел порядок в ханской казне (Зайнуш с детства имел склонность к математике, финансам), и за честную службу хан подарил ему юрту – войлочный, теплый, как валенок, дом, десять баранов и жену – Фатиму. И потомственное право быть баскакам в Белой Орде...

Все остальные женщины рода потом тоже были названы Фатимами. Малика – исключение, любимица Зайнуша... Откуда это пошло? Должно быть, от большой любви?

Крут и грозен был Тохтамыш. Как змее, ему ничего не стоило укунить руку, протянутую ему с благодеянием. Говорят, что он появился на свет на суровом Мангышлаке – и целью всей его жизни была назначена кровавая драка – с предательствами, жуткими убийствами, невиданной жестокостью – за Улус Джучи. За этот престол сражались многие, в том числе и Тохтамыш, он был законным наследником империи Темучина, поэтому он и топил в крови города и целые народы. Самому тоже доставалось, он носился по степи, как сайгак: чем быстрее несется степной джейран, тем больше у него шансов попасть в сеть, капкан или петлю; но он все равно летит над степью, рыжая молния. Много раз Тохтамыш уходил от погони буквально за минуту до петли на шею. Сколько раз самый могущественный богатур того времени, хромец, хозяин Маверранахра и всего мира – посылал верных сарбазов, чтобы они бросили к трону голову этого разбойника, но тот каждый раз просачивался, словно ртуть сквозь пальцы, и опять на время его укрывала степь.

Зайнуш долго не жил в одном городе, селении, часто прибывался к обозу какой-нибудь армии, или шел с маркитантами; его цветущий мальчишеский облик помогал ему избежать участи встать под бунчук Тохтамыша, впрочем, он не очень боялся попасть в армию Тохтамыша, ведь не брали его ни меч, ни копье, ни отравленный кинжал.

Армии бесконечно передвигались с места на место, и военачальники выбирали дороги самые кочковатые, непролазные от грязи, засыпанные пылью по пояс, бесконечно петляющие между унылых холмов. Зная своих солдат, полководцы вели героев по бездорожью, чтобы они добирались до обреченных городов хоть на день – другой позже; может и не надышишься сладким воздухом родины – перед тем, как попасть на невольничий рынок, но всякие чудеса случаются. Могут разверзнуться небеса и обрушиться на войско ливень, да такой, что на ногах не устоять. Близко затаился несчастный город, но пусть пока стучит учащенными пульсами, теперь до будущего года, да если травостой будет хорошим...

Арбы, повозки, кибитки на колесах, запряженные лошадьми, верблюдами, даже слонами летом поднимали такую пыль, что света белого было не видно.

Люди так и говорили:

– Тьма идет! Из тартарары...

Пришедшее войско немедленно начинало грабеж, стараясь нахапать добра больше, чем нахапает армия противника, как раз в это время подошедшая к стенам родного города, увлекшихся грабежом сарбазов.

Постреляв из орудий, катапульт, требушетов, казнив тех, кто медлил с открытием городских ворот, захватив трудоспособных мужчин и всех молодых

женщин, и не только молодых, сарбазы не спеша отступали, отягощенные обильной добычей, вполне счастливые, если бы еще не грызли мысли о том, не погубили бы злодеи мать-старушку, справную женушку, малых детушек.

Войска вполне могли бы не ходить так далеко, и дома много чего можно пограбить, и армия врагов тоже могла копить жирок рядом с семьями. Результат был бы тот же, но, должно быть, не было в те времена мудрого понятия «целесообразность». Зайнушу в его скитаниях не раз приходилось встречаться с ярчайшими примерами «целесообразности». В свое время он дружил – не дружил, конечно, – приятельствовал с бывшим сельским кузнецом. А получилась такая история. Как то раз во хмелю, ну, случилось с ним такое – по праздникам, от кручины или наоборот – ликования по поводу выигрыша трешницы в спортлото, он случайно зашиб мельника, прямо всерьез, до крови. Судей в той деревне не было, да и опасно с ними рядом проживать – тюрьма будет сниться. Решено было судить кузнеца в деревенском клубе. Кузнец-то этот самый, когда тверезый – ниже травы, тише воды, вот только матерится сильно, и если что – за кувалду хватается. Чисто убивец. Но взгляд у него добрый.

В клубе народу набилось тьма тьмушая, всем интересно – когда теперь такое увидишь =– товарищеский суд. Даже из соседнего села приехали люди – из Дьяково, опыт перенимать. Пришли даже с Гниловского хутора двое или трое мужиков. Пришли бы и больше, но забоялись ночью возвращаться – десять километров по лесу, по холмам, да как раз слух такой прошел, будто мужики молодые стали пропадать. Пока немного пропало – один, и того, говорят у кладовщицы Клавдеи видели, но все равно боязно.

У них у гниловчан (или гниловцев?) у самих чудес много. В позапрошлом годе мужики на полевом стане ночевали, на приволье, переметы поставили, ушицу заварили. Поймали, конечно шершавого, тогда реку не охраняли, поэтому рыба была.

***Примечание автора.** В тех краях «шершавыми» называют осетров, у них кожа (или – шкура?) не уступает доброму наждаку.*

А когда стали вытаскивать последний перемет, то увидели, что он заведен за огромную подводную корягу – каршу. Никого здесь это не удивило – водились тогда в Урале пудовые сазаны, сомы – за центнер, и белуги – под тонну, – такая рыбка куда хочешь затащит шнур или чего доброго порвет его. Конечно, соответственно рыбе был инструментарий: самодельные кованые крючки, скорее крючья, капроновый плетенный шнур – любую акулу выдержит, – снасти были серьезные.

Короче говоря, последний перемет запутался в карше. Сначала думали силой взять – тянули-тянули, думали, может, крючок разогнется или сломается, но не такие в том краю крючки, чтобы разгибаться. Резать хребтину тоже не годится. Хороший перемет с полусотней крючков – ценность немалая. Тогда ничего не остается – лезть в воду, отцеплять крючки. Для этого нужен не просто смельчак, а немереной отваги человек – сколько уже несчастных попало на свои же отточенные крючки, запутывались, а черная карша затягивала в бурлящие вокруг нее водовороты. Но всегда в любой кампании находится человек, которому ничего не стоит рискнуть жизнью – не по приказу, не на спор, а просто так.

Обнаружился такой и в тот раз. Стянул штаны, трусы – чего зазря мочить – взялся за шнур и двинулся вдоль него. Почти сразу пришлось плыть, потому, что в этом месте заканчивался песок и начинался огромный яр.

Бог миловал, добрался смельчак до карши, принялся нырять, крикнул только, что здесь, видать, дна совсем нет, дышалки не хватает, чтобы донырнуть туда. Он сделал глубокий вздох и опять нырнул. Минута прошла, другая в напряженном ожидании, миновала третья, потянулась четвертая, и к пятой уже спешит стрелка... Ни живы, ни мертвы стояли рыбаки – не пора ли им бросаться в воду, чтобы хотя бы попытаться спасти своего отчаянного товарища.

Но тут он вынырнул – с выпученными глазами, хватая воздух ртом как карась, выброшенный на берег, быстро поплыл к берегу.

– Ну что там, Петя? – принялись его расспрашивать, но он долго не мог вымолвить ни слова, только шумно дышал. Наконец он вымолвил в страшном волнении:

– Там дверь и окно!.. Там целый дом с колоннами и парадным крыльцом!..

– Какого только мусора не затягивает в реку! – сокрушились рыбаки и заинтересовались:

– Крючок –то отцепил? Али не удалось?

– Али, али! – рассердился отважный ныряльщик. – Говорю вам: там окно и дверь, а в окне видны люди...

– Утопленники что ль? – перебили друзья его непонятные объяснения. Вот есть же люди, смелые, мастеровитые, и товарищи хорошие, а, скажем, объяснить какой пустяк он ни в жизнь не сможет, запутается, как сазан в сетке.

– Какие такие утопленники? – закричал ныряльщик. – Там обычные живые люди, только дом у них под водой. Нам, скажем, у себя дома в окно что видно? Вечный полуденный свет, два мужика, осоловевшие от портвейна, бульдоги, которые вот-вот разорвут бабу с поводками, а у них на дне в окне лещей, сазанов видно, линей черного золота, полосатых речных крокодилов – шук, и видимо–невидимо рыбной мелочи – ершей, окуней, косых-уклеек, а нет-нет да мимо окна там проплывает носатая севрюга...

– Что ты несешь, Петя! – обеспокоились рыбаки психическим состоянием товарища. – Может плеснуть тебе вне очереди, так сказать, колдовства из фляжки? И сразу мир вернется на прежнее место?

Ныряльщик, конечно, не отказался от глотка спирта, но выпив, и даже закусив, он продолжал стоять на своем.

– Там дверь, и мне совсем чуть-чуть не хватило дышалки, чтобы открыть ее!..

– Ну подумай сам, Петя, – стали нажимать на него приятели, – ты же умный человек (Петя согласился с очевидным), откуда тут таким домам взяться – каменным, оштукатуренным, если тут окромя мазанок ничего не строят?

– Эт, конечно, – для блезиру согласился Петя, а сам задумал свое. Его неугомный характер железнодорожника, а он был как раз железнодорожником, не давал покоя ни ему самому, ни окружающим его людям, а особенно тяжело было соседям-родственникам-детям. Все знали, что если ему чего в голову западет, то долго нужно потом проветривать эту голову.

В общем, посидели еще у костра, анекдоты потравили, по джуж=грамм опрокинули – все, как у людей, и случай этот никто, как будто, не вспоминал, – что, на речке говорить больше не о чем? Но только не затесавшийся в здоровую ком-

панию гниловчан дотошный железнодорожник. Он, оказывается, только об этом и думал. Когда все стали собираться домой с полевого стана, железнодорожник нашел какой-то предлог и остался, дескать дел неотложных у него на стану – делать – не переделать. Гниловчане уехали, крикнули Пете, чтоб на велосипеде до дома добирался, разве могли они знать, что такое случится?

А железнодорожник, между тем, завел мотор одного из мощных гусеничных тракторов, стоящих на полевом стану, и подогнал ревущую машину к берегу сам быстро разделся (на этот раз трусы не снимал – вдруг, в том доме есть и девушки?), взял стальной трос, один конец которого прикрепил к чугунному крюку трактора, а другой конец взял в руку, перекрестился и полез в воду. На этот раз сразу нашел подводный дом, только людей в окнах не было видно, впрочем, светилось только одно окно, в остальных – было темно.

Петя, конечно, заглянул в светящееся окно. Там можно было рассмотреть часть темного коридора и столик со стоящем на нем керогазом. Петя поплавал вокруг дома (и откуда под водой берутся такие дворцы – с колоннами, с портиками? Русалки что ли их строят?) и нашел чугунное кольцо, вделанное в стену дома.

Петя вылез из реки, оделся и сел за рычаги трактора. Мотор взревел, трос натянулся, в таких случаях говорят – как струна. Но как ни тужился трактор, сдвинуться с места он не мог. Земля летела из-под гусениц, машина закапывалась в мягкий речной грунт, но все было напрасно.

Но наши люди не сдаются. Петя отправился к стану и пригнал еще один трактор, мощнее первого. Подумал немного и пригнал третий трактор, самый могучий. Сделал из тракторов сцепку, которой можно управлять из одного трактора, и опять ударил по газам. Рев двигателей был слышен в гниловском сельпо, и многие потом вспоминали, что слышали этот рев, но не придали значения. Мало ли что ревет в наших землях?

И подводный дом дрогнул. Сначала едва заметно – на толщину конского волоса – не более, а потом на палец, а потом и на всю ладонь – двинулся таинственный дом. Еще чуть-чуть – и показались бы из воды печные трубы, а за ними бы и портик, и колонны. Вот разинули бы от изумления рты гниловчане (или – гниловцы?), которые только недавно смеялись над Петей, дурни.

И надо было, наверное, железнодорожнику в этот миг особенно аккуратно тянуть трос, а он еще поддал газку, и трос не выдержал такой титанической нагрузки – и с треском порвался.

***Примечание автора.** Мы-то с вами давно догадываемся, что дом этот – не простой особняк, и нельзя тросом и тракторами выворачивать время – пусть все утонет, что должно утонуть.*

Мы часто с кулаками подступали к этому самому времени, и подстегивали, и подгоняли его, а оно терпело (а, может, только притворялось, что терпит, и заносило в особый блокнотик наши безумные преступления против него?), а мы давали жару: и погоду исправим, и каналы пробьем, и моря осушим, и вот-вот на машине времени отправимся к Юлию Цезарю, не дадим свершиться злему убийству в мартовские иды, подкорректируем историю, да что там – перепишем ее, переделаем наново. И невдомек нам было, что время у нас одно на всех, и не Клеопатру ли часом вы видели сегодня в аптеке, куда она забегала за противоядием?

Время, как старый брезентовый полог, натянутый над головами рыбаков. И ярость солнца, и холод дождя принимает он на себя, но все больше начинают на нем светиться прорехи, разрывы – и через прорехи во времени отчаянные смельчаки пытаются исследовать вселенную, попадать в такие дальние дали, что воображения не хватает представить, где это – и в мезозой, и на партийное собрание коллектива урюпинского консервного завода, и даже на экскурсию на моршанскую фабрику махорки научились заглядывать наши современники.

Дом с колоннами, сдается мне, стоит именно на таком разломе...

Когда трос порвался, то с минуту дом просто отползал на свое прежнее место, потом остановился, и тут раздался чудовищный шум, как будто где-то прорвало гигантскую плотину и вода с ревом устремилась в долину. Петя испугался, вжал голову в плечи.

Этот громокипящий шум был также услышан в Гнилом, и только тогда жители славного села, во всяком случае, некоторые из них, отправились к реке, на берегу которой располагался полевой стан, а чуть дальше в воде по пояс стоял Петя, оглушенный происходящим, и смотрел непонимающе на кусок троса.

– Что это у тебя так шумит? – спросили у железнодорожника друзья. – Для чего трактора в сцепку поставил?..

– Уж не дом ли свой подводный выцепить хотел? – понял кто-то.

Петя удрученно молчал.

– Скажи, хоть что так ужасно шумит? – кричали ему все, а он пожимал только плечами. Хотя догадывался. Но не говорил, боялся, ведь за такое могут и не помиловать.

Наконец, кто-то увидел:

– Братцы, Урал-то вполовину стал!

И только тогда все заметили, что речная вода отступила, вылезли наружу проплешины мелей, чайки удивленно вопили над новыми островами.

– Вода ушла, пропала вода! – на все лады повторяли люди. Сельский житель понимает, что такое вода – это не основа для производства газировки, а основа жизни.

– Вот что шумит, вода это шумит, – поняли люди, – где-то под водой Петя умудрился открыть пробку огромного подземного пузыря, куда тотчас ринулась вода.

С тех пор Урал обмелел, перевелась и рыба, и люди на берегах реки стали не такие, как прежде – доброты в них как будто, вместе с уральной водой, убавилось.

А дом подводный куда делся? Искали его потом, вычисляли, где бы мог он быть, но не нашли, наверное, потому, что Урал пробил себе новое русло, а старое занесло песками, заросло полыньей а потом асфальтовую дорогу протянули гниловцам как раз по этим местам, и никто, даже Петя, не вспоминал, как он ополовинил реку.

– А про кузнеца, кузнеца доскажите! – стали просить все присутствующие – засадили его в тюрьгу, убивца?

– В том-то и дело, что нет. Даже дом ему новый срубили за околицей. Женился на молодой, детишки пошли, потом холодильник огоревали, цветной телевизор взяли, жене пальто с лисой справили...

– Как же так? В чем дело?

– Все простое просто. Встал на суде обвинитель и сказал:

– Конечно, за такие преступления надо виновника казнить лютой казнью. Руки-ноги отрубить, потом и голову. Кровь за кровь! Чтоб другим неповадно было! Пить-то пей, но голову не теряй!

– Я больше не буду, – сказал кузнец, он вообще мужик конкретный был, зажиточный. В долг не давал, но странное дело – других «зажимал» ненавидели, а его как бы наоборот – уважали.

– Но давайте взглянем на это дело с другой стороны, – предложил обвинитель. – Что выиграет ваше хозяйство, если свернем голову кузнецу? Надои увеличатся? Привесы станут выше? Да ничуть не бывало! А кони останутся без подков, а ближайший кузнец аж в Дьяковом, а цены у него – сами знаете, какие у него цены. А бороны кто ремонтировать будет, аптекарь?

– Не будет аптекарь ничего ремонтировать! – закричали люди. – У него пирамидону не допросишься! А помню, как заболел у меня зуб – вот этот клык, я попросил у него «тройчатку», так он сказал мне: «К стоматологу надо ходить, Вася» – и я мучился всю ночь, на стенку лез!

Благородное собрание запылало праведным гневом к аптекарю

– И вот я говорю, что исходя из принципов целесообразности нужно отрубить голову аптекарю, тем более, что второй аптекарь сейчас на стажировке в городе. Приедет, а тут приятный сюрприз – повышение по службе.

Сказано – сделано. Конечно, голову аптекарю рубить не стали – не те времена, слава Богу, но десятку с конфискацией впаяли, и ушел он по этапу, обливаясь горячими слезами.

Есть и много других примеров целесообразности, не менее красноречивых.

О чем только не разговаривали путешественники с гостеприимными хозяевами – и про разгул бандитизма в двадцатых годах, и про таскающихся по всей Европе толпы детей – и это называется крестовым походом, и о том, что выходят из моды стальные пояса верности, все чаще в для того, чтобы спокойно воевать, не беспокоясь за оставленное дома сокровище, идут в ход композитные материалы. И только главный вопрос никто так и не задал:

– А где же сам дедушка Зайнуш?

– Где письмо от него?

– Где пайца, между прочим, золотая, ей вообще цены нет?

Тогда юная бабушка Фатима взяла дело в свои прекрасные руки. Она сказала:

– Без малого тысячу лет ждет наш дедушка Зайнуш, когда вы придете за письмом и пайцой... Он пообещал Саше, что обязательно дождетя того дня, когда вы появитесь. Он откуда-то знал, что вы придете...

– Все это штучки остановленного или, наоборот, – остановившегося времени, сказал Табов.

Все посмотрели на него: откуда он это знает?

– Как раз вчера статью одну интересную в журнале прочитал, – бросился он оправдываться, а чего, собственно, оправдываться, если все в мире мечтают – управлять временем, и кое-кому это вполне удается.

–...извините, – смешался он, и бабушка Фатима продолжила рассказ, а Борис Иванович изо всех сил делал вид, что его очень заинтересовали всякие резные шкатулочки, полочки. Он отвернулся от всей кампании, приложил руки к чисто

выбритым (и когда успел, подлец?) щекам, так подпирают щеки те, кто маются зубами, и незаметно включил передатчик, который вживляется в тело куэнзима при его появлении на свет. Если бы путешественники могли знать, что четырежды в день Борис Иванович (да какой он, к бесам, Борис Иванович, может, какой-нибудь Ливенбрук?) должен выходить на связь с врагом человеческим, а тот докладывает непосредственно Ехарному Бабаю, то они поостереглись бы говорить обо всех своих делах так открыто и откровенно. А в первый день пути куэнзим явно перестраховался, потому, что вызывал Мизантропа каждые пять минут. В итоге Титан громыхнул в наушники Борису Ивановичу:

– Перестань жудриться и дергать по пустякам начальство; я тоже повелся, старый дурак, на твою туфту – в министерство Любви доложил, там теперь тоже от нетерпения прыгают, а до результата, полагаю я, еще также далеко, как до Китая... Они молодцы, эти китайцы, мне приходилось иметь с ними дело... Ну, а ты сынок, все свое внимание перенеси на пайцзу Темучина, наши ученые – из Тайной экспериментальной лаборатории – считают, что пускач времени – это как раз пайцза, а не письмо Саши к Даше, как считали прежде. А, может, оба этих предмета являются артефактами? Так что, ты, сынок, держи ухо востро, помни, что права на ошибку у тебя нет, если что, боевые сурки тебя быстро найдут. Помнишь о сурках?..

Борис Иванович помнил. А также не забыл, как был награжден за успешно проведенную операцию «Плюмбум-14» (Да, так, небольшая операция по жестокому разгону демонстрации противников однополых браков); Тогда он получил из управления грамоту и фотоаппарат «Смена– 8». Аппарат он сразу выбросил на помойку, а грамоту повесил на видном месте, плюясь, каждый раз, когда она попадалась на глаза.

«Но, конечно, я не ради денег, – спохватился куэнзим, – я из патриотизма, любви к далекой космической родине, – принялся он излучать во все стороны свой страх, но его мысли не прошли мимо Титана. Он хохотнул, и лоб Бориса Ивановича покрылся испариной.

– Да, ладно, не трясись, – сказал он. Все мы тут за деньги...Сидим в этом мрачном колодце, здоровье тратим... Так и тянет совершить что-нибудь хорошее, а нужно совершать плохое. Мы понимаем: не всем выпадают гуманистические подвиги, кто-то должен язык ломать матом, по утрам похмеляться водкой без закуски, брать в долг, чтобы никогда не отдавать – учить дураков надо, чтобы никому не доверяли; но что бы не говорили о нас, верблюдах, так иногда выпить хочется... Конец этой фразы он произнес явно с чужого голоса, он даже подчеркнул ее интонацией, дескать, это не я так говорю, а другие, малокультурные люди.

Мы все время отвлекаемся. Нам как будто не интересно, где дедушка Зайнуш, который без малого пять столетий просидел на Баскачкинском мосту, ожидая Дашу, и Даша, наконец, появилась.

Но теперь не видно Зайнуша. Не стряслась бы беда!..

– Стряслась беда! – подтвердила Малика. – Дед попался в ловушку... Решил зайти к приятелю на часок-другой, а тот живет в этом мрачном доме с колоннами на Главной улице...Когда-то дом был украшением города, но со временем совсем захирел, стены облупились, из-под штукатурки вылезла рыжая от старости дранка, на стенах в коридоре кто-то написал плохое о Сталине...

Что-то нехорошее поселилось в стенах дома, страшное, непонятное. Спичку ширкнешь в коридоре, а она не загорается, ширкнешь другую, а она только шипит, – боязно, неудобно. Рассказывают, что разные люди приходят в дом, некоторые обличьем – чисто враги народа...

Множество людей приходят сюда – и, спрашивается, к кому они ходят, раз население дома ограничено? Что тебе нужно в чужом доме, куда ты прешься, если не зван? – и все знают, что не все вернутся – пропадают просто пучками! Здесь, утверждали жители, они время от времени видят, как охальничают куэнзимы. Их столько расплодилось, бабы в очереди за копченной скумбрией уверяли, что диковинных этих зверей стало столько, что они выются за спиной каждого человека, как вампиры, только еще хуже. Они и белье с веревок таскают.

Зайнуша друзья предупреждали: не ходил бы ты туда, неровен час – захлестнет временной петлей, которые враги человеческие наставили повсюду, как мышеловок. Утащит такая петля всего на минуту назад, и всю жизнь потом не будешь никогда никуда успевать. Без тебя оркестры будут играть увертюры, без тебя будут перерезать ленточки у входа в Университет Любви народов, орудейные салюты тоже будет плохо слышать издалека...

Но бессмертный Зайнуш только смеялся: что с ним может случиться? Все эти петли, куэнзимы – родились стараниями сарафанного радио.

...Всегда, когда он видел этот обшарпанный дом, он испытывал непонятное чувство некой здесь потери; как будто он нашел альбом старинных фотографий, и видит на них мучительно знакомые лица, но вспомнить, кто они, эти люди, он не может, как не старается...

– Смотри, если что звони, пиши, не пропадай! – напутствовали его, и он пошел в этот унылый дом.

Оказалось, дом как дом, такие на каждом углу кривятся, старятся, обсыпаются, как перхотью, столетней штукатуркой... Так же в коридорах дома воняет старой ржавой селедкой, и, конечно же, винегретом. В таких полуразрушившихся домах очень любят винегрет, готовят огромное количество этого простого салата, он обязательно прокисает и его выбрасывают на задний двор, к дощатому домику туалета. И все-таки существовала здесь какая-то тайна, которую надо обязательно разгадать... Или вспомнить?

Посидели Зайнуш с приятелем неплохо. А была с ними горилка, чудесная спутница дружеских бесед, освежительница старых историй, чистая слеза жизни. И Зайнуш спросил приятеля, мол, правда или нет про этих самых куэнзимов?

– Правда, голая правда, старик! – твердо сказал тот. – Они очень коварны, борются с человечеством не только с оружием в руках, а вот этой же самогонкой, куревом, внебрачными половыми связями...

– Они заселяют все дома своими агентами, – продолжил приятель (а откуда он мог все это знать? Не из них ли сам?) и те – где подкупом, где сладкой сказочкой, где обещанием небывалой любви – добиваются полной покорности жителей, а потом по разным надуманным причинам (скажем, репетиция действий во время землетрясений, наводнений, эпидемий диареи и – не дай Бог – бомбежки) собирают их всех вместе где-нибудь в подвале большого дома, да ведь как мудро называют эти репетиции – «Эшелонами», «Маршами избранных», «Выводом счастья» и все такое подобное – и наш народ битый – перебитый, тертый – перетертый легко ведется на эту космическую туфту, люди даже

вступают в различные общества – содействия Выводам», «Эшелонам... В этих обществах каждому выдается так называемая «Путеводная нить надежды», а короче – человеческий поводок, чтоб люди – все до единого – пришли бы в нужное куэнзимам место. После этого люди исчезают без следа. Хотя многие уверяют, будто бы исчезнувшие звонили им по телефону, присылали открытки, звали приезжать друзей и родственников погостить на новом месте.

– И куда Начальство только смотрит? – спросил Зайнуш.

– Начальство смотрит изо всех сил, – сказал мужик, наливая горилки, – но ведь охальства – то как много развелось – просто рук не хватает везде порядок наводить.

А потом лишку перебрали. Оказывается приятель, чтобы душе просторно стало, припас и вторую бутылочку нектара, конечно же, вторую под рукав, под «беломорину», под перышко высохшего, как мумия, линия. Само собой поинтересовались: уважают ли они друг друга? Оказалось, что уважают сильно. Тогда появилась третья. И это уже был перебор.

– Я пойду на свой Баскачкин мост, – сказал бывший тохтамышевский баскак, – чую сердцем, что сегодня и состоится долгожданная встреча с Дашей, и тогда сбудется написанное в книге предсказаний: любящие сердца найдут дорогу друг к другу, и в мире, наконец, настанет полное равновесие, по-другому – гармония, ну а если совсем по-другому – счастье.

Приятель записал все это на полях популярной в галактике газеты «Приуралье», спросил:

Счастье, счастье, а что это?

Баскак ответил, не задумываясь:

– Это когда один человек не хочет убить другого человека.

Зайнуш с приятелем обнялись, приятель залег на топчан. Сказал, отходя ко сну:

– По коридору – направо... Налево не ходи...

Зайнуш на ногах стоял твердо, но память была уже не та, что прежде, когда пробегал одним глазком страницу из учебника по космонавигации, и запоминал ее навечно; до сих пор память забита какими-то обрывками, отрывками, непонятно к чему относящимся формулами и теоремами. А сейчас, после скитаний он не мог запомнить даже чему равняется загадочное число «Пи».

И, конечно же, он забыл, что нужно по коридору повернуть направо а пошел прямо...

– Постойте, постойте. – перебил рассказчицу Табов, – а откуда вы все это знаете?

– Сегодня утром, как по вашему заказу, пришла голубиная почта от дедушки Зайнуша, – ответила бабушка Фатима. – Он всегда имеет при себе пару пражских турманов, он лично вывел за столетия голубиную породу, которая легко проникает сквозь пространство и время. Откуда-то сверху, должно быть из голубятни, птицы отозвались довольным урчанием.

– Да, это страсть дедушки – голуби и резьба по дереву, – сказала бабушка Фатима.

– И еще у него есть привычка – находить себе на голову приключения заметила Малика. – То он казачку беременную вызволяет из полона, то попадает в ханские баскаки, а на этой работенке год за два идет, как на фронте, то он попадает в самый центр исторического боя...

– Дорогие друзья! Дорогие! – произнес Борис Иванович, вволю напередававший-ся шпионских донесений – прямо в тот самый заброшенный колодец. – Попросим бабушку Фатиму, пусть продолжит свой рассказ (куэнзим развязно подумал, что начни он передавать донесения в открытую, так они еще и помогут ему. Придурки, лишенные бдительности. Голыми руками взять их можно – и в ближайший Эшелон).

– Просим, очень просим! – стали все уговаривать прекрасную Фатиму, но ее не нужно было уговаривать, ей самой было интересно, что же опять произошло с непутевым дедушкой Зайнушем. Как раз и свежая почта пришла, на подоконник сел черно-пегий турман. Фатима развернула листок: «...поначалу, когда меня обляяли огромные мохнатые собаки прямо в коридоре дома, я не придал этому значения. Когда мимо меня процокал, как пятидесятилетняя грузная женщина на высоких каблуках, здоровенный – под потолок – страус, я насторожился. Ну, а когда в коридор ворвался всадник, кажется тамплиер, с копьем на перевес, я понял, что заблудился. Я было повернул назад, потому, что мне не очень нравятся люди с таким количеством железа на теле. А вам понравится узнать, что около вашего примуса сколачивается очередная ватага для крестового похода?

Так вот, я попробовал пойти туда, откуда пришел, да только это оказалось совсем не просто. В доме откуда-то взялось множество коридоров, некоторые из них были заложены кирпичом, и на кладке этой раствор еще не схватился. Куда вели эти проходы, коридоры, видимо, никто не знал, да и не интересовался. Некоторые коридоры были прикрыты дверьми, казавшимися несокрушимыми. Время от времени из коридора в коридор прошмыгивали какие-то подозрительные личности – не здоровающиеся, ни знаком, ни словом не показывающие, что они вас увидели (а, может, они и не видели никого?).

Между тем тамплиер спешил, громыхая железом, прислонил копьё к стене, извлек огромный двуручный меч, прокричал, напрягая все голосовые связки:

– Гражданин, подь сюда! Чего топчешься, не топчись! Все в лучшем виде сделаю, глазом моргнуть не успеешь – и в дамки!.. Шагай не робей, гражданин! Все в жизни когда-то нужно сделать в первый раз! Я помню, как едва ли не на аркане меня тащили к зубному врачу, и мне было десять лет, и я от страха даже орать перестал, и боль прошла.

Рыцарь опять заорал благим матом. Рев его голоса сливался с лязганьем доспехов, и казалось идет колонна экскаваторов.

– Проклятие! До чего эти мечи тяжелые, что в руках не удержать! Попробую кинжалом, хвалили, что толедская сталь... Но наши пивные бутылки сконструированы наверняка в обществе трезвости – все пальцы ободрал, и не одной бутылки так и не открыл! Гражданин, ну что вы там ковыряетесь, отведайте нашего пивка – «Театрального» – цепляет, как брага...

Только тогда я рассмотрел, что к седлу коня тамплиера была приторочена авоська с доброй дюжиной «Театрального».

Никогда не слышал о таком пиве, но не думаю, что оно может быть хуже нашего пойла. Я подошел к рыцарю и мгновенно понял – это ряженный, половина доспехов его были из картона, другая половина – из фольги. На лице густо лежал грим. Железное громыхание доспехов происходило из небольшого магнитофончика.

В это время откуда-то издалека, заглушенный расстоянием, стенами и пуленепробиваемыми стеклами, раздался душераздирающий крик, скорее даже эхо от вопля. Рыцарь даже бровью не повел.

– Вы кто такой будете? – спросил у него я.

Он поклонился:

– С вашего позволения, артист императорских театров, отмеченный благодарностью самого Великого Князя, носящий благородное прозвище – Бенвенуто Агрелли, а также – народный, вдохновенный, блистательный трагик; ампула – рыцари, злодеи, «кушать подано»...

– А как вообще, в жизни, обращаются к вам? По-простому? – Я едва сумел вставить словечко.

Он нахмурился, поиграл в руках картонным кинжалом, буркнул себе под нос, но я расслышал:

– Ну, а между себя, по-простому называют Добрыней...по незлобivosti моей, по характеру золотому. Пивом вас угощаю, а по ходу пьесы должен зарубить с особой жестокостью.

– Откуда я взялся в вашей пьесе?

– Как «откуда»? Драматург придумал, а Режиссер осуществил постановку...

Он, наконец, справился с бутылками, протянул мне пиво. Я пожал ему руку, тоже представился, добавил из вежливости, что у него интересная, довольно редкая профессия, а я простой сборщик налогов.

Он с неподдельным удивлением уставился на меня.

– Первый раз в жизни вижу человека, который не связан с театром, – сказал он. – Вы, случаем, не пришельцы, не марсиане, прибывшие для нашего порабощения?

Я заверил его, что никого поработать не собираюсь. Он улыбнулся и отхлебнул пива, объяснил:

– Я в этом действии не занят, дух переведу...

– А, что ваш театр тоже в этом безразмерном домике располагается? – спросил я у него. Он пристально посмотрел на меня, сказал с непонятной осторожностью в голосе:

– Театр у нас везде, – и дома, и на улице, и в магазине, и в первом образцовом публичном доме...А вы на самом деле не из нашего города... Нужно донести на вас быстрее, пока дворник (роль дворника играет заслуженный артист Шакуло) не обогнал.

– Ну, положим, город у нас один с вами... А насчет доноса, это, надеюсь, шутка такая? – произнес я.

– Щас, щас! – он достал из кармана бронированных портов сотовый телефон, принялся кричать в трубку?

– Але, але, дайте мне главное управление ангажемента! Звонит артист императорских театров номер семнадцать–девятнадцать–четыре ноля-три девятки-сто, псевдоним Тырло-второй. Сообщаю о человеке без роли – совершенно нигде не задействован... наверное, лазутчик!..

Из трубки радостно заорал пронзительный женский голос:

– Ждите патрульную машину (в роли шофера артист музыкального театра Леонид Чусовой, в роли санитаря – молодой актер из ТЮЗа Сидоров, подающий очень большие надежды). Если ситуация требует, пришлем боевых мотоциклистов... Подозреваемый не агрессивен...

– Извини, старичок, – сказал императорский артист, – ничего личного, но у нас принято доводить... Доводчику – большая кунжутная медаль, деньгами – двадцать талеров, только представь себе – целая двадцатка! И разрешение – целых три дня не включать радио и телевизор...

– Считай, что путевку на курорт получил! – Бенвенуто Агрелли все перечислял выгоды и льготы, которые вскоре свалятся на него.

– Ты чего стоишь, беги, пока еще можно, – сказал он мне. – Мое дело – донос, брать тебя приедут другие, так что вполне можешь дать деру... Некоторые – годами в бегах числятся...

– Что еще за чушь такая! – возмутился я. – Где тут выход на улицу?

Бенвенуто Агрелли молча показал куда-то себе за спину.

Несмотря на абсурдность ситуации, а, может, именно из-за нее на душе стало тревожно.

В коридор прилетел еще один вопль. Что это?

– Беги! – крикнул артист императорских театров, и я, не зная сам почему, бросился бежать. Прогремел каблуками по коридору, и мне открылся обширный гардероб; люди как ни в чем ни бывало получали свои плащи и куртки (массовка Государственного театра номер сто), делились впечатлениями о закончившемся спектакле. Но откуда в доме с колоннами, в общем-то небольшом трехэтажном здании, взялся театр?

Каких только чудес не бывает под нашими звездами!

За театральным гардеробом начиналось длинное и узкое фойе, на стенах которого тесно было от портретов артистов, режиссеров, даже и весь цех бутафории во главе со своим начальником – Ливреттой Хазаровной Арбузовой был представлен на стене, совсем неподалеку от прим и записных любовников.

«Чего ж их так много? – подумал я. – Прямо какая-то стена смеха...»

Чуть-чуть дальше стены с артистами и был вожделенный вход-выход из театра. Уже понимая, что попал в очередной переплет, я выбежал на улицу; повсюду, куда доставал взор, стояли театральные здания, опираясь щеками портиков на поздне-римские колонны, вывесив фонари, как на потерявшие ход корабли, облепив афишные тумбы гамлетами, бесприданницами, филуменами мартурано и даже мастерами и маргаритами, где мастер похож на демона, должно быть все-таки укушенный Геллой.

Куда подевался мой любимый город?

Я посмотрел в сторону Баскачкина моста, и там видны были колонны, портики, скачущие бронзовые квадриги.

– Куда я попал? Каким образом я сюда попал? Вот, говорили мне, что в этом доме с колоннами есть что-то нехорошее, так я не послушал.

Между тем, на площадь перед театром, из которого я только что вышел, выскочила, отчаянно тарахтя, мотоциклетка с прицепом (на таких дачники любят перевозить огурцы и рассаду); в мотоциклетке находились два мордатых, бородатых типа, из тех, про которых думают, что они всегда на подхвате у главных воротил, но часто ошибаются – они на подхвате у тех, кто сами на подхвате.

– Стоять, руки поднять, не шевелиться! – закричал один из них и дал поверх голов очередь из видавшего вида ППШ. (заслуженный артист театра одного актера Борейкин, с утра похмелившийся).

Граждане, до этого мирно рассуждавшие о достоинствах очередной Одетты, о том, как радостно слушать сагу о нибелунгах, и как нынче хорош был мавр, пронзительно визжа, бросились в разные стороны.

Мотоциклетка затормозила около меня, но я не стал дожидаться, когда эти бородатые бросятся на меня, а они своих намерений не скрывали, и бросился бежать. В который уж раз!

Бородатые кинулись вслед, причем, один забирал правее, видимо, хотели загнать меня в какой-то тупик, или гнали к какой-нибудь высоченной садовой ограде, или, просто к забору, где возьмут меня, как зайца, попавшего в силки. Эта загонщицкая хитрость была мне хорошо известна, и я помчался прямо в противоположную сторону, куда предполагали загонщики. Я чуть не попал в раскрытые объятия второго бородача (артист восьмого театра инвалидов Иван Дарьялович Укропин, которого в театре почему-то все называли Угробиным, наверное, было за что), но проскользнул буквально у него подмышкой.

– Держи его! Держи! Именем закона! – заревели отстающие мордovorоты, но горожане этого театрального места, к их чести или наоборот, не бросились растопыривать руки, не кинулись зарабатывать себе медали или даже ордена, а просто расступались передо мной, а одна старушка (травести из третьего ТЮЗа, без фамилии) даже подбодрила:

– Тикай, сынок, от этих марсиан проклятых, не попадайся в их чешуйчатые лапы!

К ней тут же помчалась неизвестно откуда взявшаяся вторая мотоциклетка.

Я добежал до перекрестка, всюду громоздились театры. На ближайшей стене на мраморной доске золотые буквы складывались в слова: «Одиннадцатый императорский камерный театр имени Иванова, алхимика, мецената, сына отечества».

В этом городе мне приходилось знать одного Иванова, друга художника Малыгина, но, может быть, это совсем другой город?

Преследователи отстали, один из них повернул назад, видимо, к своей мотоциклетке, поняв, что в беге не ему со мной соревноваться.

Второй грузно топал сзади, время от времени испуская пронзительные трели из судейского свистка, и мы, подстегиваемые этим свистком, бежали и бежали.

У преследователей была цель – поймать меня, и они, надо полагать, хорошо ориентировались на местности. У меня, в общем-то, была сходная задача (не цель же) – убежать от непонятных преследователей, но на этом сходство задач сходило на нет; я не представлял, где я нахожусь, где мне искать спасения в этом кошмарном театральном городе, как вернуться домой? Надо признать, что мои загонщики были мотивированы лучше меня, да и задача казалась намного проще.

Но где он, тот спасительный случай, на который мы все так надеемся – отправляемся ли в космос, сажаем ли картошку, пишем ли многотомный романище – ведь на самом деле должно ведь повезти хоть раз в жизни? И везет: споткнувшись, валится с ног первый претендент на золотую медаль, и никого не победив, ты получаешь латунный кубок.

Кто сказал, что судьба? Правильно сказал: нетрезвая, с бланшем под левым (который ближе к сердцу) глазом, с кривым чертежом аппарата, который он накорябал нынче перед рассветом, и на который сначала подумают, что он для очистки самогонки, а для чего это сгодится всему человечеству – поймут через двести лет – счастливая судьба русского человека.

Треск мотоциклетки усилился, судьбе пора выходить на сцену.

Я мчался вдоль чугунной ограды, вокруг очередного театра И вдруг (долгожданное «вдруг») распахнулась крошечная, едва заметная глазу, калиточка и кто-то крикнул:

– Сюда! Скорее!!!

Я не стал дожидаться второго приглашения, протиснулся в калиточку, которая тут же захлопнулась. И я лицом к лицу оказался с прекрасной женщиной в волосах которой, черных, как смоль, сияла корона из золотого плюща. Она к тому же была вооружена кинжалом и палицей. Она протянула мне руку:

– Мельпомена. Идите скорее за мной, я спрячу вас! (заслуженная артистка Императорских театров Генриетта Франциевна Ротшильд).

Тяжело дыша, я просипел ей какие-то благодарности. Муза в ответ только махнула рукой.

– Следуйте за мной, – сказала с явным древнегреческим акцентом. – Они теперь будут ждать подкрепление, до этого не сунутся; за это время мы постараемся вернуть вас в дом с колоннами, где, говорят, есть проходы в другие миры... Вот вы явно не здешний, так?

– Так, – вынужден я был согласиться. – Но что у вас тут происходит?

Тем временем мы оказались в гулком театральном вестибюле, где слышны были какие-то вопли («...отравленная сталь ступай по назначению!»), («...так не доставайся ты никому!»)...

– Репетируют, – пояснила муза, и свернула в узкий длинный коридор.

«Явный перебор с коридорами сегодня», – подумал я.

Мельпомена открыла какую-то узенькую дверь. И мы, судя по количеству зеркал и настольных ламп, оказались в гримерной.

– Думаю, что единственный шанс спастись вам от принудительного призыва – загримироваться, – сказала она, – скажем, под безликих Гильденстерна или Розенкранца. Никто и никогда не помнит в лицо Розенкранца... Он может быть толстяком, рыжим, как рыжик, он может отрастить дремучую бородищу, но никто не спутает его с мятежным принцем, не ошибется обидно для Полония, назвав его «величеством»...

Уж сколько безликость спасала, пусть покажет свою силу еще!..

Мельпомена усадила меня напротив большого зеркала, я даже подумал – не для того ли, чтобы я мог любоваться музой.

– Почему вы помогаете мне? – прибавил я к своим прежним вопросам еще один.

– Помогаю исключительно из человеколюбия, – улыбнулась она, и вновь над городом раздался крик, в котором было столько страдания и боли, что, казалось, он мертвых может поднять из могил, но Мельпомена осталась безучастной.

Поймав мой недоуменный взгляд, она сказала:

– Прометей кричит (сегодня – это народный артист обратной стороны Луны Вонифатий Иосифович Таблацкий).

– Как Прометей? – ахнул я. – Бедняжка, он так страдает за всех нас! Никак нельзя ему помочь? Ведь он столько сделал для человечества!

– А ведь из-за него все наши беды, = сказала она. – Для чего он, вместе с огнем и другими безделицами, стащил еще и театральное искусство – и по сути дела передал его народу? Меня, как музу, вполне устраивало прежнее положение

дел, когда театр был занятием элитарным, не всякому понятным; потребление зрелища тогда не требовало интеллектуальных усилий...

– Не думаю, что ему реально можно помочь..., – продолжила Мельпомена. – Руководство нашей планеты не признает сам факт присутствия здесь скифского царя, известного заступника за людей...

– ...А я сама видела, – продолжила Мельпомена, – он прикован к стене крупнопанельного дома в десятом микрорайоне, построенного в те времена, когда Прометей торопился осчастливить человечество – хоть чем-нибудь...

Я спросил:

– Хватает ли театров в городе, не скучают ли местные театралы без премьер? В достаточном ли количестве произносителей монологов с большим смыслом, не спрашиваю о числе героев-любовников, их в любом районном центре, даже где нет театров, да что я говорю – особенно там, где нет театра – целые легионы?..

Она поняла меня:

– Наш мир разделен на режиссеров, актеров и директоров театров, в общем, как везде. Есть небольшая прослойка зрителей, изгоев, которые до сих пор таскаются и на прогоны, и на спектакли, и они лучше главных режиссеров знают, когда палить из ружья, когда промахиваться и когда попадать... И есть Высокое Руководство, которое знает, кому и чего положено, и главное – кому все принадлежит... ничего нового... В общем, украл он у них совсем немного, кажется, грошовую зажигалку, бумаги писчей пачек пять, театральное искусство, да чернил железистых бутылек. Уже тогда понимали, что добраться до потомков без крепких, настоянных на самом надежном железе, чернил, совершенно невозможно. Нечего, не запасшись чернилами, защищать Фермопилы, или затевать войну из-за той ветреной особы, подлинность которой возьмет, да докажет для чего-то Генрих Шлиман... В конце концов и несчастный Минотавр может остаться в живых, – все равно чернила выцветут до того дня, когда люди хватятся: ах, подвиг, ах классик, ах, куда раньше смотрели!

Но страшную ежедневную муку Прометей принимает не из-за чернил, не из-за того, что познакомил скифов с бумагой и они мгновенно вырубili полпланеты лесов, чтобы увековечить то, что осталось на их долю; ежедневно клюют ему печень мерзкие взъерошенные вороны (а говорили – орлы) только за то, что дерзнул вылепить человечество из самого распространенного материала – земли, глины. Хотя поговаривали, что подсыпал он в человеческую закваску и марганцовки, и козьего сыра, и даже стальных опилок и гвоздей... Десять раз пожалел Прометей, что связался с фирмой «Создай и раскрась свою вселенную». Одного взгляда на разбитного молодца, как две капли воды похожего на Зевса, должно быть достаточно, чтобы понять, что тут дело нечисто (может ли быть, что сын у отца выиграл крупный подряд?) Да что там крупный – эпохальный – подряд на создание человечества. Попытки, надо сказать, предпринимались еще в глубокой древности, но выведенные создания оказались столь удручающе не похожи (или чересчур похожи) на тех, кого бессмертные боги могли бы назвать людьми, что решено было предыдущие человечества стереть с лица земли. Что и было сделано. Теперь наши археологи выкапывают разные чудища, выдавая их останки за погибшие цивилизации: какие уж там цивилизации – войны, пытки, похищения чужих жен, вранье про свободу!..

Мельпомена перевела дух, продолжила, густо накладывая мне на щеки грим:

– А, между прочим, этот, с обратной стороны, сам выпрашивал эту роль, еле выпросил

– Так там и мучения ненастоящие? – спросил я.

– Мучения как раз самые подлинные, – сказала муза. – Хотя кое-кто утверждает, что не обходится без анестезии; будто бы обезболивающие порошки приносят в клювах соловьи, серые, незаметные, но эти порошки на самом деле только усиливают страдания царя, вот он и орет так натурально...

– Как же можно добровольно искать такую роль? – спросил я.

– Наша актерская житуха вообще такова, что иначе, чем собачьей ее не назовешь. И нервы рвем не понарошку, и подличаем взаправду, и чужие слова выдаем за свои, и в любовь играем насмерть, и подлинны только зависть, ненависть и нищета, а тут и деньжонки приличные, и квартира однокомнатная, правда, в том же доме, на стене которого его каждое утро приковывают. Так что, многие ему еще и завидуют. Еще как завидуют. И роль одна из главных, и звание получишь – хоть на десятку прибавка, но и ее взять негде...

– Смотрю, у вас тут целый театральный город?.. Просто силой загоняют в артисты... Может, у вас и головы взаправду на сцене рубят?..

– Конечно! – воскликнула она. На той неделе казнили Карла Первого (артист Императорских театров Кулема Иванов) и Марию-Антуанетту (заслуженная посмертно артистка второго ТЮЗа Сидора Сидорова)...

– Может, и эти тоже добровольно пошли на плаху? – спросил я, уже зная ответ.

– Вечная им память, они пошли на это ради бескорыстной любви к искусству, – сказала Мельпомена с грустью в голосе. Мне показалось, что она сказала это не мне. Потом она понизила голос почти до шепота, произнесла:

– Как уже задолбало нас это театральное правительство! Императорствующий Премьер исходил из такой посылки: дороже всего ценится правда жизни на подмостках, за ней тянется каждая травести, каждый помреж, чего не скажешь о реальной жизни, где царит безраздельно ложь...

Долго рассказывать о трех театральных революциях, вождем которых стал Императорствующий Премьер, не каждый разберется и в военно-полевой теории государственности, разработанной на основе системы Станиславского, никто не прочитал всех научных трудов посвященных теории и практике трагедий, перенесенных со сцены в жизнь, комедий из жизни, доведенных до абсурда в театре; никто не может сказать, что он был среди тех, кто устанавливал драматическую власть, что проливал за нее бочки крови; она как бы сама собой откуда-то взялась, и взялась уже давно; да что там – она всегда здесь была. Мудрая, точно объяснившая мир, обустроившая родную планету и протягивающая руку помощи иным, межзвездным цивилизациям...

В общем, после трех революций был проведен референдум, уставшие от палубы и взрывов люди единодушно одобрили новый порядок; чем, скажем, он хуже либерального? Каждый получил свои роли; все были разделены по амплуа (трагикам полагалось самое высокое жалованье; и год службы засчитывался за два). Режиссеры, худруки были наделены полномочиями для поддержания театрального порядка, а также правами рекрутирования, и объявления на казарменном положении стольких актеров, сколько потребуется для самых массовых постановок.

Отныне жизнь актеров принадлежала постановщикам, режиссерам и даже композиторам, сочиняющим музыку для спектаклей. Чтобы процесс театральной перестройки не замедлялся (наша всеобщая лень, любовь к забалтыванию, анархизм) были введены телесные наказания, правда били не больно, скорее для порядку. Хотя некоторые худруки завели специально конюшни, на которых пороли актеров, иногда и актрис. Порка актрис и нерадивых служительниц театра кое где превратилась в эффектное шоу, на него даже продавали билеты. Но порка скоро была запрещена, но дело свое в становлении новой театральной жизни она сделала.

У режиссеров, конечно, остались кое-какие меры внушения — арест на пятнадцать суток, лишение премиальных, заключение в карцер на пять суток без воды и хлеба, и другие.

Определял репертуар Императорствующий Премьер. Он любил исторические драмы, и вскоре театры переполнились рыцарями, героями, покорителями мира; они вопящими толпами быстро перекатились через оркестровые ямы, — и начался театр, который жизнь, и продолжилась жизнь, которая театр. Все играют, повсюду играют, не уверена, что наш с вами разговор давным-давно не написан Аристофаном. Или Островским — Александром Николаевичем...

Театральная планета получила широкую известность в своей части вселенной; всепланетные спектакли занимали сотни тысяч людей, многие из них вскоре не могли вспомнить, каким они владели прежде ремеслом; перемешались в едином театральном племени хлебопеки, шахтеры, цинкографы, русские богатыри, соловьи-разбойники...

— Откуда тогда берется у вас хлеб насущный, ведь вы не производите ничего, что можно было бы намазать на хлеб, ведь насколько я понял, у вас теперь все понарошку, все условно, и, думаю, что и мясо у вас картонное, и картошка из ваты, и масло из глины?..

Мельпомене вопрос явно не понравился, но она постаралась ответить на него:

— Живем продажей билетов, на гастроли ездим... Вот недавно только вернулись с Меркурия, где наши спектакли посмотрело все население планеты; мы возили на Меркурий восемьдесят шесть тысяч только народных и заслуженных артистов... Меркурианцы рассчитались с нами мясом подвергнутых глубокой заморозке меркурианских прямоходящих медведей. Мильен контейнеров необыкновенно полезного мяса были доставлены на нашу планету скоростными ракетами... И ничего, что клеветники тут же принялись вопить, что прямоходящие меркурианские медведи — разумные существа, их города находятся глубоко под поверхностью планеты, а нынешние меркурианцы — захватчики, которые бросили на уничтожение медведей огромную армию, пушки, самолеты, ракеты... Медведи были объявлены сорными животными, переносчиками неведомых инфекций, на них повсеместно ведется охота. В ответ на это мирные прежде медведи взялись за оружие.

...Уж сколько раз власти заявляли, что медведи уничтожены полностью, но проходило время и медведи появлялись на поверхность... Как будто недра Меркурия исторгали их из себя.

— И вы едите это?..

— Многие предпочитают консервированных стрекоз, — ответила муза, — которых в изобилии мы закупаем в Сахаре... Впрочем, я закончила, сейчас приладим парик — и мать родная вас не узнает. Но будьте осторожны, театральная секьюрити не дремлет. Можете угодить на место Прометея...

Она нахлобучила на меня парик, как шляпу, и из зеркала уставился на нас Сирано. Рубака, гуляка, философ.

И тут же распахнулась дверь, и в комнату шагнули трое молодых в синих мундирах, в синих фуражках с белыми чайками на месте кокард.

– Не двигаться, стреляем без предупреждения! – гаркнул один из молодых. – Нам сообщили, что здесь скрывается опасный преступник!

Вспыхнули глаза Мельпомены, и я увидел, каким бывает гнев музы.

– Что вы себе позволяете, казарменная чернь! Вы что же, не знаете, кто перед вами? – негромко спросила она. И добавила:

– Я член – революционного правительства, а вам, я вижу, головы на плечах сильно надоели!

Молодцы остановились, опустили оружие, бросились извиняться, дескать, обознались, их ввели в заблуждение информаторы этого района, пусть госпожа простит их, принимая во внимание, что они ведут розыск ужасающего негодяя, шпиона, проникшего сюда из другого мира. Столько горя он может причинить нашей счастливой стране!

– Ладно, ступайте, – смягчилась она, – да впредь смотрите, на кого автоматы поднимаете...

Молодцы, громыхая коваными подошвами, вывалились из гримерной. Сирано даже не пришлось обнажить шпагу.

– Это тоже артисты? – спросил я у музы.

– Конечно, – ответила она, – из народного театра номер восемь – Шпигайло, Сергеев и Куантаев – имен не помню, но все заслуженные. Лучше к ним в руки не попадаться.

Она вздохнула тяжело, задумалась.

Я тем временем принялся излагать ей, как мог, свои соображения насчет того, как я попал в этот негостеприимный театральный город. Против ожидания, она легко восприняла многомерную модель мира и реальность мгновенного перемещения в пространстве. На Парнасе об этом знали всегда, и умело пользовались. Но теперь искусство это утрачено...

– И все-таки надо как-то добраться вам до того дома, откуда вы появились, – наконец молвила она. – Ваш Сирано поможет вам пройти пару постов, а потом вы можете оказаться на стене вместо Прометея. А вообще, об этом доме слава идет дурная...

– Вот-вот, – подхватил я, – и меня предупреждали, но я не послушал. Провалился, как в оркестровую яму...

– Наверное, этот дом – место, где встречаются миры? – предположила она.

– Вполне возможно, – ответил я, – а про себя подумал: «А, может все просто: этот дом с колоннами – и есть весь мир?»

– Надо идти, не будешь ведь остаток жизни просиживать в гримерной, – сказал я. – Спасибо за помощь!..

– Я смогу проводить вас только за ограду театра, – сказала муза, – а дальше придется пробиваться одному... Удачи вам. Вернетесь домой – передавайте привет вашему миру! Скажите, что мы неплохие, просто сильно увлеклись; так всем хотелось правды... Ищите правду осторожно...

И мы двинулись с ней в путь. Не прошли и пары шагов, как послышалось знакомое тарахтение мотоциклеток. Мотоциклеток стало больше — с десяток, и они носились по площади перед театром, останавливая прохожих, очевидно требуя предъявить документы.

Едва мы вышли из театра, как с полдюжины патрулей взяли курс на нас с Мельпоменой, но, рассмотрев, что это муза — повернули назад.

— Постарайтесь сыграть свою роль Сирано, как можно достоверней, — сказала она, — здесь публика искушенная. Держитесь естественно, и, может быть, доберетесь до своего дома с колоннами — он здесь неподалеку; облупившийся его фасад виден отсюда.

Мы дошли до ограды, и она стала прощаться.

— Не забывайте о нас, — сказала она, — времена изменятся, и, вполне возможно, мы еще приедем к вам на гастроли...

— Нет уж, извините, — испугался я, — у нас нет стольких театралов, ну пара — другая еще наберется, не более — Кузнецова, Фоменко... ну, и ценители помельче, которые давно предлагают фуршеты на премьерах проводить до спектаклей, а не после, как сейчас, так, что многие возвращаются из театра совершенно трезвыми...

— С Кузнецовой я знакома, — сказала Мельпомена. — А вы напрасно испугались наших гастролей, у нас есть талантливейшие лицедеи... И потом, должны времена перемениться... Вы что, не верите в это?

— Не верю, — признался я. — Времена всегда достаются нам одинаковые — неустроенные, злые, мстительные, безденежные; только родился, а уже пора в строй на борьбу за лучшую жизнь.

«Вот война кончится — заживем! Как сыр в масле будем кататься», — врем мы друг другу, зная, что война никогда не кончится.

«Вот только вынырну из запоя и сразу возьмусь за роман, листов на сорок. Про любовь. Не может быть, что про нее уже все написано? Тогда я возьмусь писать про нелюбовь...»

«Выучусь на зубного врача, засяду за бормашину — деньги там лопатой гребут. Один зуб выдрать — минутное дело — на нашиские деньги — обойдется в три тыщи... Нет, лучше выучусь я на гинеколога, в ихнем учебном заведении, должно быть, сумасшедший конкурс...Если только туда принимают не одних бывших одесситов».

«...программа спасения сельского хозяйства».

«...дураки и дороги».

«И других времен мне не попадалось», — закончил я свой монолог. И добавил: «Я хочу поговорить с титаном Прометеем. Вы член правительства, устройте мне встречу с ним хотя бы на пять минут! Всего несколько вопросов! Прошу вас!..»

Сначала она отнекивалась изо всех своих музиных сил: это невозможно, там специальная охрана, заминированы все подходы...Потом стала уверять, что там говорить не с кем, ведь это не скифский царь, а только актер, играющий царя.

— Там все понарошку, у нас все давно не настоящее!

— Ну да, — сказал я, — всю жизнь играем понарошку, а помираем всерьез!

Внезапно она согласилась:

— Хорошо, попробую вас провести в десятый микрорайон. Но берегитесь, в случае чего мне выговор с занесением в трудовую книжку, а вам...

Я ее успокоил:

– Ничего мне не грозит, поверьте, никакие орлы не могут мне навредить...

Тем более, воронье...

Она только кивнула головой, решительно направилась к центру площади.

Я – за ней.

– Сейчас я ради вашей затеи собираюсь нарушить закон, который запрещает использовать авиацию в личных целях, – сказала она и достала из сумочки содовый телефон.

«Вот это да! – подумал я. – Муза с телефоном...»

Она набрала какой-то короткий номер, прокричала в трубку:

– Код 777, никнейм – Мельпомена, пароль – четыре тройки, вертолету прибыть в точку Джи через пятнадцать минут!..

– Вертолетом что ли артист очередной управляет? – спросил у нее я.

– Народный артист Третьего революционного театра Иван Осетров, – ответила она. И добавила:

– Прекрасный пилот, ас...

Ровно через пятнадцать минут над площадью показался громадный вертолет.

– Армейский, – куплен для борьбы с танками, – с гордостью сказала она. – Вооружение – пушки, ракеты, пулеметы и мощные лазерные установки.

– У вас есть противники с танками? – спросил я у нее.

– Да, откуда? Понарошку есть.

Вертолет завис над нашими головами, и тут же на блестящем тросе Иван Осетров опустил точно к моим ногам люльку.

– Поднимайтесь на борт! – перекричала она вертолетный грохот. – Я – за вами, простите, что пропускаю вперед, но у меня сегодня юбка не для карабканья в вертолеты.

Я взглянул на нее, и никакой юбки вообще не заметил: одежда Мельпомены искусно открывала напоказ полунагое тело музы.

Немного ошалев от увиденного, Сирано забрался в люльку и через пять минут оказался в вертолете. Муза была уже там, объяснила:

– Иногда я тоже могу летать.

Вертолет дал круг над площадью и принялся набирать высоту.

– Надо идти на полной вертолетной высоте, – прокричала Мельпомена, – иначе могут сбить!..

– Выходит дело, что Прометей у вас наподобие секретного объекта? Почему?.., – спросил я.

– У нас все секретно, – коротко ответила она.

Между тем вертолет забрался так высоко, что город под ним казался нанесенным на огромную, затянутую дымкой, карту. «Непонятно все огромное, – подумал я, – может оно существует исключительно для того, чтобы подавлять человека, указывать ему на его место – в уголке в последнем ряду?..»

Мельпомена стала показывать пальцем куда-то в иллюминатор, я посмотрел, и увидел скопление строений, похожих друг на друга, как две капли воды, и это были парфеноны: бесчисленные колонны подпирали бесчетные портики.

– Зачем столько храмов, у вас поклоняются Афине? – спросил я у музы.

– В этих храмах – театры...

– Где же тогда люди живут? – не отставал от нее я, – вижу только театры?

– Большинство артистов находятся в казармах, устроенных под театрами. Очень удобно, когда все артисты под рукой, никто не опаздывает на репетиции, никто не упивается «бормотухой», и есть надежда, что при таком режиме и в головах у артистов не заведется ничего лишнего.

– Вы только не подумайте, что артисты содержатся, как когда-то крепостные. Ничего подобного, – продолжила она рассказ. – В казармах чисто, хорошая вентиляция, женщины живут здесь по десятеро в каждой комнате, мужчинам немного теснее – для них строятся помещения, в которых размещается по сорок человек, но на то они и мужчины, чтобы терпеть неудобства и лишения без нытья. Конечно, они не круглые сутки репетируют, ежедневно у каждого должно быть личное время – не менее часа. Некоторые умудряются даже получать увольнительные продолжительностью до трех часов... Так что, никто свобод не попирает... Даже наоборот: недавно постановлением революционного правительства разрешены браки между артистами. Более того, семейным выделяются квартиры в очередь...

– Что значит – «в очередь»? – спросил я у нее.

– Жилья катастрофически не хватает, поэтому в квартирах живут по очереди: неделю – одна семья, неделю – другая... Очень удобно – не нужно обзаводиться мебелью, обременять себя множеством ненужных вещей...

Вертолет завис над землей, пилот прокричал в наушниках:

– Мэм! Мы на месте, внизу десятый микрорайон!

Я отметил про себя это «мэм». Ишь ты, мэм!..

Вертолет резко пошел вниз, и в это время раздался леденящий душу вопль, уже слышанный мною, но там его скрадывало расстояние, а здесь он казался совсем уж невыносимым.

– Хвала Зевсу, добрались благополучно!»! – сказала муза на должности, и обращаясь ко мне:

– Имейте в виду, что в вашем распоряжении не более получаса, в противном случае будет худо.

– Много страшат, – подумал я, – могущество держится не криком...

И тут я увидел Прометея, догадался, что это он. На бетонной стене трехэтажного крупнопанельного дома было устроено нечто, напоминающее балкон, и на нем сидел огромный (рослый, под два метра, ничего не скажешь) мужик в сером, сильно поношенном пальто, и кормил кур. Не сразу я разглядел, что он действительно прикован к стене. Цепь, похожая на цепочку от часов, была позолочена и была такой длины, что вероятно ее хватило бы до солнечной Эллады.

Увидев вертолет, Прометей шуганул кур (так все-таки куры!) – во все стороны полетели черные, белые, чубарые перья, а сам завопил страшно, истощно:

– Ау – вау – аааааааа! Ой – ей – больна – больнаааааа!

Пара куриц взгромоздились ему на плечи, ну вылитый титан! Хотя мне прежде не доводилось видеть титанов, но я несколько по-другому представлял этих легендарных ребят.

Вертолет наконец приземлился у самой стены, на которой витийствовал страдалец.

– Эге-ге-гей! – попытался я перекричать опального царя. Но не тут-то было, тот ревел на совесть.

Кое как удалось мне вставить пару слов: «Давайте знакомиться, меня зовут Зайнушем, а как ваше имя?»

Скифский царь заорал еще сильнее, однако показал рукой на привинченную к стене табличку, на которой микроскопическими буквами было выгравировано (я еле разобрал эту полуграмотную писанину): «Титан обыкновенный, обитает повсюду, но предпочитает теплые края, травоядный. Прямоходящий, дрессировке не поддается, агрессивен. Отзывается на кличку «Прометей», страдает kleptomанией, рост сорок два метра и восемнадцать сантиметров, вес – не измерен».

– А вы случайно не знаете артиста обратной стороны Луны Вонифатия Иосифовича Таблацкого? – прокричал я.

– Не знаю, – ответил он, но реветь перестал. И даже добавил: «Между прочим, я слышал, что Вонифатий – народный артист, прекрасный человек, талантливый и скромный, но...

– Что «но»?

– А то, что как тысячи его собратьев он вынужден пропадать в неизвестности... У актеров два недуга: или не понимают, или затирают... А чаще – и то, и другое... Ты видел, как пьяницы съедают граненые стаканы? Откусывают кусками и, разжевав, глотают, запивая водой? Хрум-хрум, как морковку. Но пьяницы не питаются морковью. Не питаются они и стаканами, они жрут их на спор – за бутылку дрянной водки. Думаешь, им нравятся такие способы добывать питье? Они выбирают то, что могут. Обыватель с ужасом, не веря своим глазам, смотрит, как кусок за куском пропадает в луженой глотке граненый стакан, и, потрясенный, лезет в карман за мятыми десятками – рассчитывать. И долго потом в курилке какого-нибудь механического завода он будет рассказывать, как видел человека, питающегося исключительно стеклом... А пьяницы, у кого еще остались хоть какие-нибудь зубы, любят шашлык из молодой баранины, водку «Финляндия», особ, которые носят белье от Милавицы... Но им все это не по карману... И Прометей, как Герострат, честно зарабатывает свою славу, подставляя печень орлам...

– Но это только куры, – перебил его я.

– Куры? Вы говорите «куры»? – сказал он. – А я вижу благородных сказал я орлов..., среди них и парочка соколов, и даже беркуты есть... История живет мифами, и пора мифов не прошла. Нынче ты видишь кур, завтра увидишь беркутов, а послезавтра напишешь, что видел летающих слонов, и именно они грызут скифского царя!

– Если вы на самом деле Прометей, то почему не в Греции, а здесь – на краю мира, сидите на стене, как попугай на нашесте... Ну просто курам на смех, – сказал ему я. – И прослыли не борцом за народное счастье, а жуликом, который то одно сопрет, то другое тяпнет – и сразу интервью давать...

Он усмехнулся:

– Высокий человеческий долг ведет меня! – произнес он высокопарно. – Через меня к людям пришло многое...

– И все перелицованное? – сказал я.

– Совершенно необходимое, – гнул свое Прометей.

– Тогда и вся наша глиняная, терракотовая жизнь напрасна? Она просто бессмысленна, если все в ней уже приготовлено для нас. Один притащит человечеству огонь, другой объяснит – далеко ли до звезд, и надо ли к ним лететь,

растаскивая по миру нашу ледяную тоску? Третий уже бежит, пригибаясь к земле – украл чернила, теперь весь мир узнает и донжуанский список Александра, и сколько чего проиграл в рулетку Федор Михайлович; и Цезарь поведаст нам о галльской войне – и чистая правда вымысла станет смешиваться с густым враньем понедельников, вторников, високосных лет... Зачем тыщу лет сидеть на цепи с вывернутыми внутренностями, оглашать окрестности дикими воплями, если сам человек легко постигает науку добывания огня, – и столь успешно, что недрогнувшей рукой выжигает целые города и страны? Не гордыня ли подстегивает бесчисленных Прометеев, волокущих нас за собой по дороге прогресса?..

Сначала попробовали с глиняным человечеством, увидели сотворенное – ужаснулись, пришлось низвергать в тартар (этот тартар у нас, благо, всегда под рукой)...

– Тоже мне, создатель выискался, – сказала тогда Афродита Прометею; у нее был свой собственный план создания человечества, уж, конечно не из глины. В итоге вышло то, что вышло: опутанное мифами, зависимое, ждущее очередной подачи, безмерно тщеславное сообщество...

– Вы все-таки признаете, что вы не титан, а обычный артист? – вставил я словечко.

– Меня зовут Прометеем! – уперся он.

– Глупо упрячиться, – уговаривал его я. Подумал, что даже вранье сгодится для того, чтобы привести в чувство – хоть чуть-чуть – здешний театральный дурдом, и сказал:

– Вас решено убить! Есть секретное постановление революционного правительства об увековечивании памяти Прометея... В бронзе цари выглядят хоть куда, а герои сразу вырастают, как грибы под дождем, – и чем больше их ваяют, тем выше и горделивей их взоры... Но, согласитесь, к чему нужен сам герой? – произнес свою репризу, и – добро пожаловать в мавзолей... А живого его и ваять несподручно, то ему стакан портвейна плесни, то слушай два часа кряду, как он Полифема завалил; и точно знаешь, что старик Полифем жив, пасет коз, недавно судился за прибавку к пенсии, и – диво дивное – отсудил себе пару червонцев на дряхлость, но хочется поверить и герою; неужель-таки слава героев так преувеличена?

– Я – Прометей! – распалялся он все больше. – Не отрекусь вовек от своего доброго имени...

– Бегите, пока не поздно! – втолковывал ему я. – Могу поспособствовать переходу в сопредельный мир, в нашей реальности не заигрываются до смерти, хотя отдельные случаи наблюдаются и у нас...

– Напрасно тратите время! – подала голос молчавшая до этого муза. – Разве не видите, что это подлинный титан – титан духовный, титан во всех отношениях (а полчаса назад говорила обратное этому; баба – она и есть баба).

В небе родился и стал нарастать звук множества моторов. Мельпомена тревожно обернулась на этот звук, проговорила:

– Нас засекли! Кажется против вас (а, может, и нас тоже?) послана эскадрилья штурмовиков (роли пилотов играют народные артисты Прикладного театра музыкальной комедии – Заскорюзлый, Ивановы – с первого по четырнадцатого, Наливайко и Бокаушин, все майоры.

– Так, в чем наша вина, – спросил я, – что против нас послана такая сила? Разве все ваши бесконечные постановки, несчитанные премьеры – вся эта псевдореальность – адресованы в конечном счете не зрителям?.. И вот я пришел – зритель, а вы против меня пулеметы и штурмовики!

– Нельзя так близко подходить к сцене, можно разглядеть, что выстрел из винтовки – только пистон, гром – всего лишь лист жести, – объяснила мне Муза, – ни е чему неподготовленным соваться туда, где выкисают философии грядущего, будущие реальности... Смотри издали, и титан окажется сорокаметровым колоссом...

В небе между тем проявились серые точки штурмовиков.

– Если не хотим, чтобы нас стерли в труху – пора удирать, – сказала Мельпомена. – Да поскорее!..

Я крикнул Вонифатию Таблацкому:

– Решайте, наконец, что вы выбираете? Сравнительно долгую и сравнительно же благополучную жизнь, службу в областном театре или короткую, полную ужасных мучений, жизнь? И готовьтесь к тому, что никто и никогда так и не узнает о вашем подвиге, или о нем наврут с три короба...

– Я не Ванифатий, я – Прометей! – отрезал Ванифатий, и куры бросились в атаку.

– Правильно! – похвалила его Муза. – Героем нужно быть до самого конца!

– Так я и знал, самозванство в нашей крови, мы самим себе не привыкли верить, и ни один Петр Федорович даже на дыбе не сознается, что он казак из Зимовейской станицы, и царских палат вовек не видал, – сказал огорченно я.

И наш вертолет взял курс к центру театрального города, где в доме с колоннами существовали ворота в иные миры. Наверное, существовали. Наверное, в иные...

– Да, – спросила Мельпомена, – откуда вам известно, что принято решение перевести Прометея в статус памятника?

– У меня в вашем революционном правительстве есть пара супершпионов...

Она поверила. Мы стали прощаться. В общем, приятная женщина. Даже очень приятная. Жалко, что разрывается на два фронта, служит и Богу, и Маммоне.

Дом с колоннами, казалось, ждал меня, а, может, так оно и было. Я толкнул дверь и оказался в знакомом коридоре.

У одной из дверей, выходящих в коридор, сидела на ротанговом стульчике девочка лет тридцати пяти, жена капитана, изменщица. То, что жена, и то, что изменщица было ясно сразу. Да так ясно, что хотелось схватить ее в охапку и уволочь из капитанового обиталища – по бесконечной лестнице – в ее собственную квартирку на шестом, кажется, этаже, где она одарит ласками жадными и быстрыми, и где некогда наскоро заложен старым кирпичом проем в другое измерение... Какое другое? В то, где нас нет...

Девочка напевала: «...лишь забыться и слушать пургу, потому, что без этих чудачеств я на свете прожить не смогу».

– Гражданка! – обратился я к ней. – Как выбраться отсюда, из этого коридора, из этого страшного дома?

Она засмеялась, она со всеми смеялась – жизнерадостная. Неужели ей печалиться от того, что у старого капитана порох отсырел, и он больше не может

никого убить, испортился характер... А каким он был при Маренго; император тогда сказал: «Запомню тебя, молодец!» И, наверное, не забыл; в 1841 году кто-то безмянный прислал ему пять двойных наполеондоров. Капитан мог спокойно пропить золотые, но сохранил монеты и показывал их только избранным собутыльникам – до той поры, пока не согласилась жить в его квартире поющая девочка лет тридцати пяти, и называться капитановой женой. Первое, что она сделала в замужестве – украсила капитаново благородное чело ветвистыми рогами, и пока он выписывал из-за границы чудодейственные корни, настойки и микстуры с целью укрепления потенции, поющая девочка отобрала у него золотые.

– Так, куда идти, где выход? – повторил я. Она только пропела «...подмосковные вечера».

– Что, я специально сижу здесь для того, чтобы показывать дорогу всем бродягам, да? Сюда сумел добраться, и дальше пройдешь!..

Я торкнулся в ближайшую дверь.

– Сейчас! – отозвался тоненький, воздушный голосок. – Иду, открываю!..

– Первый раз вижу, чтобы к Динке кто-то пришел! – оповестила на весь коридор поющая девочка, и пропела: «Спокойно, товарищ, спокойно, у нас еще все впереди...»

Динка за дверью никак не могла справиться с замком.

– Сейчас, сейчас открою! – умоляющим тоном говорила она. Всегда так хорошо открывалась, замок почти новый... только не уходите, пожалуйста...

Но я уже пригляделся: дверь была нарисована на несокрушимой стене. Может именно она, эта стена, разгораживает здесь бесчисленные миры, которые взгромозились друг на друга, как апрельские льдины на Чагане.

– Только не уходите! – просил тоненький голосок, до боли, до отчаянья знакомый. – Сейчас замок откроется...

Кто-то изнемогал в своем постылом мире, но он не отпускал его.

Девочка-певунья хрипло рассмеялась, сказала:

– Вот так всегда бывает, когда ищешь то, что не тобой положено. И чего вы все сюда ходите, чего вынюхиваете, засылаете засланцев, все вам кажется, что вот-вот – и провернется ключик в замке, распахнется дверь и повалится оттуда счастье, как куски сахарной ваты – набивай тогда счастьем торбы – в запас на семь поколений!

– Я выход ищу, не счастье, – напомнил я.

– Это часто одно и то же, – сказала она. – Попробуйте вторую дверь направо...

Не без опаски толкнулся я в эту дверь. Она легко подалась, и мне в глаза ударило слюдяное пыльное солнце слюдяными пыльными лучами.

Окончание следует.

